

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Быт или не быт

КЁЛЬН 2023

В. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Быт или не быт

КЁЛЬН 2023

Предисловие

Еще одно, последнее сказанье -
И летопись окончена моя,
«Борис Годунов» А. С. Пушкин

Пишу предисловие, как послесловие. А всё потому, что я, наконец, завершил свою двенадцатую (!) книгу, («книжицу» – см. сайт: valzol.ru), название к которой так ещё и не придумал. На самом деле эта книжка является сборником, состоящим из двенадцати (!) вроде бы не связанных между собой по содержанию текстов, первый из которых был написан двенадцать (!) месяцев тому назад. Впрочем, так ли уж между ними нет ничего общего? Что ни говори, а прожит целый год жизни, насыщенной событиями различной, разумеется, значимости, которые так или иначе нашли своё отражение в представленных автором публицистических формах, новеллах и эссе. Думаю, что внимательному и не предвзятому читателю должно было броситься в глаза трижды повторённое число 12. А коль так, то, чтобы уж максимально усилить зодиакально мистическую значимость этого числа, скажу, что предложенный на ваш суд сборник стал, как я уже упоминал, двенадцатой (!) книгой, созданной автором за его последние (лучше всё же крайние) двенадцать (!) лет жизни.

Так появилась идея дать сборнику название – «Дюжина», что допускало, правда весьма призрачную, надежду спровоцировать какого-нибудь сверх наивного читателя на поиск литературного сокровища, скажем, именно на двенадцатой (!) странице. В конце концов я пришёл к выводу, что заглавие «Дюжина» звучит слишком просто, точнее чересчур конкретно, лишая предполагаемого читателя даже попытки задуматься над ним. К тому же, признаюсь, не давало покоя известное выражение «Как корабль назовешь, так он и поплывет». Нет, я не настолько самонадеян, чтобы сравнивать с кораблём этот небольшой сборник. Просто навязчиво по ассоциации приходит в голову мысль о судьбе Флагмана Черноморского флота ВМФ России ракетного крейсера «Москва», потопленного ВСУ 14 апреля 2022 года.

Принимая во внимание разнообразие затронутых в сборнике тем, автор при выборе подходящего прозвища оказался в весьма затруднительном положении, чем-то напоминая мятущегося знаменитого Шекспировского персонажа. Так и родилось название – «Быт или не быт».

*Только раз
в году...*

История, которой хотелось бы с вами поделиться, может кому-то показаться совсем незначительной. Однако позвольте с этим не согласиться. Разумеется, по сравнению с мировой революцией – это так, но на бытовом семейном уровне – даже очень. Все персонажи, так или иначе участвующие в описываемых событиях, будут фигурировать под псевдонимами, якобы для неузнаваемости. Их дружный коллектив сложился не сразу. Наблюдая за ними со стороны, невозможно представить, как таким разным людям удалось сохранить на протяжении столь долгих лет тёплые дружеские, даже сердечные отношения. Подобное происходит в эмиграционной среде крайне редко, но особенно сложно новые приятельские отношения возникают между людьми старшего поколения. И всё же это чудо произошло. Сегодня эта сплочённая, в определённом смысле, эмиграционная ячейка состоит из восьми человек. Однако прежде чем перейти к описанию происшедшего 19 октября сего года, позвольте представить вам всех его участников. При этом автор оставляет за собой право, знакомить вас с ними под псевдонимами, чтобы никто не смог догадаться, о ком же идёт речь.

Ядром этой самой ячейки стала пожилая супружеская чета из Киева. Жена – статная красавица с лицом без единой морщинки, будто отлитым из фарфора. С годами она обрела твёрдую уверенность, что накопленным ею жизненным опытом следует щедро и настойчиво делиться со всеми, кто, как ей кажется, в этом нуждается. Также хотелось бы ещё отметить её внутреннюю христианскую потребность прийти на помощь каждому, кто испытывает в том хоть малейшую потребность. В дальнейшем будем величать эту даму – Милосердная.

Её муж – крупный рано полысевший мужчина, с выразительным еврейским носом, лёгок в общении, обладает неистощимым чувством юмора и неиссякаемым оптимизмом. Область его интересов столь разнообразна, что одно их перечисление могло бы утомить даже самого терпеливого читателя. Поэтому впредь будем его называть просто – Многогранный.

Вскоре на узких эмигрантских тропях они столкнулись с более молодой супружеской парой тоже из Киева, с которыми как-то сразу нашли общий язык. Их объединяло не столько землячество, сколько во многом совпадающие разносторонние интересы. Жена – яркая блондинка, прагматик, находится в постоянном поиске смысла жизни и её составляющих. О таких когда-то написал Пастернак: «Во всём мне хочется дойти / До самой сути». Впредь этот светлый образ в нашем повествовании будет откликаться на имя – Блондинка.

Её муж – романтик, человек привлекательный внешне с обильной растительностью на лице, которой даже не удаётся скрыть его мужское обаяние. В нём легко уживаются множество талантов. Он и рисовальщик, и шахматист, и неистовый футбольный болельщик. Как говорится «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Оставим за этим славным парнем кликуху – Романтик.

А вот и третья пара. Как говорят в Одессе – «вы таки будете смеяться», но они тоже из Киева. Она – милая брюнетка небольшого роста, натура творческая, вечно кутающаяся, как капустный кочан, в многослойную одежку. Хоть и легка в общении, но близкие её люди должны постоянно помнить, что имеют дело с избалованным ребёнком (анфан терибль). Пусть в нашем дальнейшем изложении её будут величать – Милашка.

Он – эдакий Гаргантюа, принуждающий раскатами своего оглушительного смеха нервно позвякивать стоящие в серванте хрустальные бокалы. К чести его будет сказано, он единственный из объявленной восьмёрки имеет стабильную квалифицированную работу. Так и быть оставим за ним знаменитый бренд – Гаргантюа.

Теперь для укомплектования октета не достаёт двух персонажей. Это – «две дамы приятные во всех отношениях» (почти по Гоголю), две, увы, вдовушки. Но об этом – не сейчас. Об этом – отдельно и другим разом. Одна из них – та, что постарше, совсем седая, с милым живым лицом и анорексичной фигурой. По любому вопросу имеет собственное твёрдое мнение с обязательной ссылкой на первоисточники.

Автору показалось, что имя Училка, в самом хорошем смысле этого слова, будет для неё в самый раз.

Другая же – та, что самая младшая в этой команде, дама с застенчивой улыбкой на хорошеньком лице, напоминает своей статью хрупкую фарфоровую статуэтку, отличаясь, не взирая на это, твёрдой жизненной позицией. Чаще всего её участие в разговорах ограничивается убедительным красноречивым молчанием. Оставим же за этой симпатичной дамой кокетливый псевдоним – Статуэтка.

В нашем повествовании со временем появятся ещё две весьма привлекательные фигуры, которые всенепременно вам тоже будут представлены. А сейчас пора переходить к сути. Главным действующим лицом в нашем сюжете станет Милосердная. Совершенно неожиданно, и прежде всего для неё самой, наша героиня захотела отметить свой н-ский день рождения. Не юбилейный, не какой-то особенный, а просто очередной день рождения. Она с не присущей для неё решительностью объяснила своё желание так: «Я не знаю, как надолго меня хватит, сколько ещё осталось пороха в пороховницах. Поэтому пока есть возможность, хочется собрать за праздничным столом всю нашу компанию, всех наших друзей». Услышав такие речи, Многогранный – её супруг, надеюсь вы не забыли, был, признаться, удивлён, но ещё больше он был этому рад. Оно и понятно. За долгие годы их совместной жизни впервые Милосердная захотела отпраздновать свой день рождения, да не просто, а ещё и с размахом, да ещё и сама проявила в этом инициативу, которая была встречена общественностью, то-есть самим Многогранным, как было уже сказано, с радостью и воодушевлением. Вечером состоялся нешуточный семейный совет, на котором был принят ряд ответственных решений.

1. Участниками торжества (тезоименитства) должна быть вся гоп-компания плюс милые сердцу хозяев Владимир Ильич и Надежда Константиновна (напоминаем – все персонажи в нашем повествовании будут фигурировать под псевдонимами).
2. Дирекция (т. е. семейное руководство) будет действовать под девизом – «не щадить затрат!».

3. Угощение должно быть щедрым и запоминающимся.
4. В роли вишенки на торте – подготовленный виновницей торжества сюрприз.

Супруги, получившие столь волнующие псевдонимы (Владимир Ильич и Надежда Константиновна), были в добрых приятельских отношениях с хозяевами дома едва ли не с момента их появления в Кёльне. Она – очаровательное создание с венчиком перламутровых волос, может вполне характеризоваться пословицей «Умная женщина может крепость взять». Право, лучше не скажешь. Хотя предлагаемый псевдоним к ней никакого отношения не имеет, всё же рискнём её впредь именовать – госпожа Надежда Константиновна. Буквально через мгновение станет ясно почему. Её муж – тоже, смею вас заверить, куда как всем хорош, является обладателем прекрасного драматического тенора, в любой компании успешно исполняет роль центрального, имея в заглавнике прорву забавных историй, выслушав которые можно легко сделать вывод, что вся планета Земля населена, если не его друзьями, то во всяком случае приятелями. Но главная история его жизни – это участие в 1991 году в «Шоу двойников», где он в образе Владимира Ильича Ленина исполнил, стоя на броневике, романс «Ямщик не гони лошадей». Вот мы и наречём его Владимиром Ильичом.

При разработке меню у высоко договаривающихся сторон разногласий не возникло. Было принято решение о том, чтобы на столе изобиловали блюда с советско-еврейским акцентом, плавно перешедшие к нам ещё из прошлой жизни. Непременными составляющими такого меню должны стать малосольная селёдочка, отварной язык, холодец, фаршированная рыба, салат оливье, картошка запечённая в духовке и печёные пирожки. Гулять, так гулять! Но как в известной пословице «Как гуляли-веселились, посчитали-прослезались». Они быстро сообразили, что самостоятельно такой ассортимент им не осилить. Поэтому обратились за помощью к их доброй знакомой – настоящей «идише маме» (так и будем обращаться к ней впредь), кулинарное искусство которой уже не раз выручало их в подобных ситуациях. Многогранный, а именно он был назначен не только

спонсором, но и организатором тезоименитства, поспешил связаться с Идише маме по телефону. Между ними произошёл взаимно заинтересованный разговор.

– Здравствуйте, дорогая Идише маме, – заискивающим тоном произнёс Многогранный, – как говорится в известном старом анекдоте, я к вам по тому же вопросу.

Он вкратце озвучил пожелания виновницы торжества и с нетерпением замер в ожидании ответа. Могло же быть по-всякому. И занятость, и плохое самочувствие, и, наконец, просто нежелание. Однако, реакция оказалась вполне позитивной.

- Я рада помочь. Мой ассортимент вы уже знаете. Поэтому предлагаю приготовить к вашему столу гефилте фиш, кислосладкое жаркое и печёные пирожки.
- Замечательно! Это как раз то, что мы хотели, – поспешил заверить Многогранный.
- Фаршированную рыбу, если вы не против, я буду делать из смеси зеркального карпа и белого амура. Так получается значительно вкуснее.
- Вам и карпы в руки, – попытался игриво пошутить Многогранный.
- Да, и вот ещё: кислосладкое жаркое, если вы опять же не против, думаю, лучше готовить не из говядины, а из телятины. Это конечно несколько дороже, зато получается куда как ароматнее и нежнее.
- Дорогая Идише маме, прошу на цену вообще не обращать ни малейшего внимания, – с интонацией разгулявшегося купчишки заверил Многогранный.
- Хорошо. Я обязательно предоставляю вам все чеки, чтобы не оставалось никаких сомнений... И последнее – думаю, пирожки сделать двух видов – с мясом и капустой.
- Вы, дорогая Идише маме, буквально, как Вольф Мессинг, читаете мысли на расстоянии. Мы именно такие пирожки и хотели бы Вам заказать.
- Тут нет никакой телепатии, – не приняла шутливого тона Идише маме, – просто в прошлый раз Вы просили испечь пирожки именно с такими начинками.

Договорились и о том, что всё приготовленное можно будет забрать, как говорится с пылу с жару, за два-три часа до прихода гостей. Результаты достигнутого консенсуса Многогранный в целости и сохранности донёс до виновницы торжества. Оставался буквально пустячок – сделать всё остальное. Накануне красного дня семейного календаря Милосердная встала пораньше и, засучив рукава, принялась за дело. Многогранный был милостиво отпущен на преферансные ристалища под честное слово принять участие с полной самоотдачей в оставшихся на завтра работах. По возвращении, ещё на подступах к дому, он почувствовал манящие ароматы изысканной кулинарии. На кухонном столе уже красовался нервно подрагивающий холодец, сваренный из куриных окорочков и изрядного бруска свиной ноги. Сквозь прозрачную поверхность бесстыдно проглядывала его некошерная сущность, украшенная оранжевыми кружками отварной моркови и янтарными дольками лимона. Несколько в стороне в белой эмалированной кастрюле плавал огромный телячий язык, ободранный умелыми руками хозяйки до неприличной наготы. А в гостиной на журнальном столике красовался король десерта – шестислойный сметанник, источая на всю квартиру свой ванильно-медовый аромат. В кресле за компьютером сидела с потухшим взором Милосердная, олицетворяя собой крайнюю степень усталости. Глядя на неё, Многогранный припомнил, что его мама в подобной ситуации говорила: «Дети! Вы хотите иметь маму? Дайте ей спокойно полчаса посидеть». Быстро сориентировавшись в обстановке, он отправился на кухню разгрести Авгиевы конюшни. Правда, к чести Милосердной нужно сказать, что недомытой посуды в раковине осталось не очень много.

Вечером супруги наметили конкретные планы на завтра, с трепетом посмотрели очередные душераздирающие вести с фронта боевых действий в Украине, выпили по рюмке корвалола и пошли спать. Посреди ночи Многогранный притащил с балкона купленный накануне в тайне от деньрожденницы вазон с крупными белоснежными хризантемами и тихонько, чтобы её не разбудить, поставил

цветы у кровати на столешнице трюмо. «А по утрам они проснулись». Сюрприз сработал, как и было задумано. А дальше уже вновь пошли трудовые будни. Многогранному жена доверила ответственную работу – настричь все ингредиенты для салата оливье. При этом было строго оговорено, что их размер не должен превышать одного сантиметра. В процессе работы этот показатель придирчиво контролировался. Параллельно Милосердная подготовила картофель для обжарки в духовке, помыла и нарезала свежие овощи (огурцы, помидоры и болгарский красный перец) и художественно разложила на селёдочнице кусочки филе «Матиа», присыпав их россыпью сладкого лука. Когда все кухонные работы были завершены, пришло время заняться расстановкой мебели. С балкона был занесен ещё один стол, а из келлера Многогранный притащил недостающие стулья. Теперь Милосердная, постелив шуршащие свежестью праздничные скатерти, могла приступать к оформлению стола. При этом ей ещё оставалось время для отдыха и восстановления боевого окраса после трудов праведных. До прихода гостей оставалось три часа, а это означало, что пора было ехать к Идише маме.

Выйдя на улицу, Многогранный не поверил своим глазам. Яркое солнце освещало изумрудные кроны деревьев. По-летнему тёплый воздух заставил прохожих сбросить лишние одежды. А молодёжь высыпала на улицы, выставив на всеобщее обозрение в допустимых местах свою наготу. В ход пошли шорты, топики и футболки. Такая вот середина осени выдалась в этот день в Кёльне. По дороге Многогранный вынужден был тоже снять с себя не только ветровку, но и пуловер. Идише маме – пожилая дородная женщина небольшого роста, голову которой венчали пышные аккуратно уложенные седые волосы, встретила Многогранного, как своего доброго знакомого. Не тратя попусту лишних слов (что значит деловые люди), они приступили к размещению в тележке для покупок приготовленные блюда. На самое дно удачно стала кастрюля с кисло-сладким жарким, сверху, на её крышку удалось примостить два блюда (одно на другое) с фаршированной рыбой; завершали эту

пищевую этажерку два полиэтиленовых пакета с пирожками. Идише маме буквально заставила взять Многогранного кассовые чеки за приобретённые продукты, в ответ на что он, рассыпаясь в благодарностях, вручил заранее оговоренную сумму.

Теперь важно было с переполненной тележкой добраться домой без потерь. Признаться, забытый пассажирами автобус оказался для этого не самым лучшим средством передвижения. Но всё обошлось. Пришла пора было приступить к священнодействию – сервировке стола.

Центральное место по праву заняла царица праздничного стола – фаршированная рыба. Сквозь её застывшую зеркальную поверхность игриво пробивались рубиновые ломтики свеклы. Справа от неё на правах дальнего родственника пристроился холодец, а слева возвышался манящей меланжевой горкой салат оливье. По обеим краям нарядного стола на двух блюдах громоздились пышногрудые румяные пирожки. Остав-

шееся пространство, свободное от тарелок, бокалов, рюмок и мельхиоровых приборов, беспорядочно заняли разнообразные посудинки с поджаренным до золотистой корочки картофелем, отварным языком, филе селёдки «Матиас» и свежими овощами, уложенными разноцветной горкой. Зрелище достойное кисти любого из малых голландцев. Журнальный столик, стоящий рядом с основным столом, оказался во власти самых разнообразных напитков.

Едва часы пробили пять, как и ожидалось, гость пошёл косяком. Коридор быстро заполнился телами и весёлым

гомоном. Объятия, поцелуи и подарки, преимущественно цветы и конверты. Раскрасневшаяся Милосердная, как эстафетная палочка, пошла по рукам. Когда поток приветствий иссяк, гости, освободившись от взаимных пылких объятий, наконец обратили свой взор из прихожей на стол в гостиной, уставленный деликатесами, и замерли. Случилась немая сцена. Только самые активные (Милашка и Блондинка), быстро придя в себя, восторженно возопили: «По какому поводу такое изобилие? Was ist passiert?».

- Ничего не случилось, – скромно потупив взор, молвила Милосердная, – просто мне захотелось собрать всех вас, благо подвернулся подходящий повод.
- Как же со всем этим справиться? – едва слышно произнесла Статуэтка.
- Если не одолеем всё сегодня, – энергично отозвался Владимир Ильич, – дружно выйдем на субботник.
- Да ладно, нам ли пасовать перед таким заманчивым изобилием. Будем брать. – с плотоядной смачностью заверил сомневающихся Гаргантюа.

Постепенно все расселись, и Многогранный приступил к стандартному опросу – кто что будет пить. «Огласите, пожалуйста, весь список», – привёл цитату из известного фильма Владимир Ильич. Не судите строго, возможно кому-то это может показаться излишним, но всё же хотелось бы раскрыть питейные пристрастия каждого, поскольку даже в этом можно усмотреть некие личностные особенности действующих персонажей. Итак начнём по порядку. Милосердная попросила налить водочки, Романтик – предпочёл вискарика со льдом, Блондинка – заказала мартини с апельсиновым соком, Милашка – отдала предпочтение белому вину позднего урожая (Spätlese), Гаргантюа – ограничился апельсиновым соком (он единственный из гостей был за рулём), Училка – сказала, что уже давно пьёт только красное вино – «Каберне», Статуэтка, Владимир Ильич и Надежда Константиновна – пожелали охлаждённой водочки, чтобы канонически соблюдать на троих и, наконец, Многогранный, проявив невиданную волю, налил себе минеральной воды. Теперь, когда у всех было «нолито», началась борьба

за первенство в произнесении тостов. Неожиданно победу одержала виновница торжества, решительно оттеснив своего мужа. Она бесхитростно объяснила своё желание устроить эти торжества своим тёплым сердечным отношением ко всем без исключения сидящим за столом. Саморастрогавшись, Милосердная пожелала гостям крепкого здоровья и ещё долго иметь возможность и желание встречаться друг с другом и добавила, что несколько позже всех дам ожидает сюрприз. После этой практически тронной речи встал Многогранный и, заикаясь, очередной раз признался в любви к деньрожденнице и добавил с гордостью, что является единственным человеком на планете Земля, который вот уже в 63 раз имеет счастливую возможность в этот день поздравить Милосердную с её днём рождения. «И прослезился». В дальнейшем установленная очерёдность произнесения здравниц была нарушена. Однако светлый образ виновницы торжества не позволил никому отмолчаться. А Милашка, не в силах совладать со своим необузданным темпераментом, буквально каждые пять минут, то ли по забывчивости, то ли из желания ещё больше повысить градус за столом, настойчиво предлагала выпить за здоровье Милосердной.

В какой-то момент Милосердная вновь взяла слово и напомнила об обещанном сюрпризе. Наступила волнующая тишина. В её руках, как по мановению волшебной палочки, появились пять красных полотняных сумочек.

– Здесь, – сказала она, – пять подарков каждой из присутствующих дам. Сумочки пронумерованы, а презенты в них одновременно и одинаковые, и разные. Я предлагаю, чтобы каждая из вас вытянула из рук моего дорогого супруга свой номерок.

Так всё и случилось. Дамы называли свой счастливый номер, а Милосердная вручала соответствующую сумочку. Необычность самого факта вручения подарков гостям виновницей торжества привела дам в экстатическое состояние ещё до того момента, когда они увидели, что же находится в этих таинственных сумочках. Разобравшись с их содержимым, дамы поняли, что стали обладательницами огромных ярких двусторонних шелковистых шалей, на которых были

изображены красочные копии полотен великих французских импрессионистов. И что тут началось... Дамы, повизгивая от восторга, разнообразно заворачивались перед зеркалом в шали, неожиданно принимая волнующие с лёгким налётом эротики позы.

На радостях виновница торжества была напрочь позабыта. Милосердная, тихо стоя в сторонке, наслаждалась результатом своего замысла – всеобщим ликованием. Лишь один Романтик не принимал участие в общем шабаше, отстранёно уткнувшись в свой смартфон. Объективно оценив обстановку, Многогранный, дабы несколько пригасить разыгравшиеся страсти, предложил дамам сделать фото на память. Как и следовало

ожидать, это предложение было встречено на ура. Однако позже выяснилось, что неуправляемая эйфория, овладевшая гостевой массой, так и не позволила камере запечатлеть эту дивную картину.

Когда всё же страсти улеглись, хозяйка подала чай-кофе с долгожданным сметанником, который немедленно был перенесен Многогранным в центр стола. На разделку торта ангажировали Блондинку, справившуюся с поставленной задачей с присущей ей лёгкостью. Картину десертного стола дополнило блюдо с ярко оранжевыми мандаринами и покрытыми сединой лиловыми сливами. По соседству на хрустальной тарелке вальяжно расположились пирожные «картошка», изготовленные Статуэткой. Пока гости предавались десерту общим вниманием сидящих за столом завладел Владимир Ильич. Он со всеми подробностями

рассказал о своём феерическом (без суперлятива никак) участии в «Шоу двойников», которое проходило 30 лет тому назад в Москве в концертном зале «Россия». Владимир Ильич, как известно, блестяще владел искусством не только сказителя, но и искажителя, что придавало его байкам дополнительное очарование. А робкие попытки его супруги внести свои правки в захватывающую авантюрную историю, практически никогда не достигали цели. Он мягко её останавливал: «Ну погоди, Наденька. Дай мне договорить. А потом уж ты...».

Перефразируя известную народную мудрость, скажем: сколько сказочке не длиться, а конец будет. Так и произошло. Веселье понемногу стало стихать, разговоры истощались, тарелки опустели и гости стали поглядывать на часы. Неожиданно Милашка и Блондинка, не очень попадая в ноты, зато дружно пропели: «К сожаленью, день рожденья только раз в году». Вскоре все как-то одновременно засуетились и стали собираться, приговаривая принятые банальности. «Пора и честь знать» (почему только сейчас?); «У Рабиновичей тоже были гости, но у них давно погас свет» и т. п. В прихожей стало тесно. Лишь Статуэтка, переминаясь с ноги на ногу, тихо поблагодарила Милосердную за традиционно предложенный ей небольшой шалахмонес (идиш) – кусок сметанника. Те, кто впервые слышит слово шалахмонес, пусть поинтересуется о его значении у еврейской бабушки, если таковая имеется в наличии. А нет, так нет. Продолжайте сохранять свою невинность. Только знайте, что шалахмонес это «лакомства, которые любит Б-г».

Октябрь, 2022 год

Лудо Ди Еволо

Самолёт, коснувшись земли, угрожающе вздрогнул. Ещё несколько минут он, испытывая наше терпение, катился по взлётной полосе пока едва не упёрся в приземистое здание аэропорта Тревизо – воздушные ворота Венеции. Наш полёт из Кёльна длился всего полтора часа. Столько же времени понадобилось, чтобы на багажной ленте появились наши чемоданы, перепоясанные яркими опознавательными лентами. В вестибюле нас ожидал, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу, водитель, держа над головой листок картона с нашими фамилиями. Это было, конечно, ожидаемо, хотя, как ни странно, одновременно и неожиданно. Водитель подхватил наши чемоданы, и мы направились к машине. Это был роскошный фургон Форд Турнео Кастом (*Ford Tourneo Custom*). Уже минут через сорок мы входили в холл забронированной нами гостиницы.

Теперь я позволю себе обратиться к событию, произошедшему за полгода до этого. Совершенно неожиданно фонд «Клеймс Конференс» (*Claims Conference*), занимающийся поддержкой евреев переживших Холокост, перечислил мне дополнительно к уже полученным в 1996 году 7000 маркам единовременную помощь в размере 2400 евро. Что тут было радости и не передать! На внеочередном семейном совете было принято волевое решение – потратить эти деньги на приятные оздоровительные цели. Сказано – сделано. Вскоре я уже сидел перед сотрудницей туристического бюро «Kaplan Russland Reisen» Ириной и, как мог, привередничал. Я настойчиво просил её подыскать нам отель на берегу Адриатического моря в Лидо Ди Езоло (*Lido Di Jesolo*). Когда-то, лет двадцать назад, мы здесь уже побывали, и нам очень понравилось. В те годы нас, относительно недавно прибывших из бывшего СССР, устраивало почти всё (да и «Онегин, я тогда моложе, / Я лучше, кажется, была»), но теперь уже я нахально выдвигал условия. Отель – не ниже четырёх звёзд должен быть небольшим и располагаться на первой линии. При этом в обязательном порядке он должен иметь закреплённые за каждым номером оборудованные пляжные места, а комната должна иметь балкон с видом на море. Ирина терпеливо меня выслушала (наверняка

в её практике капризничал не я один) и, улыбнувшись, отправилась на поиски. Не прошло и часа, как мы стали счастливыми обладателями комнаты в четырёхзвёздочном отеле «Парк Отель Челлини» (Park Hotel Cellini), отвечающей всем выше перечисленным пожеланиям. Когда наш итальянский отдых стал реальностью, мне пришла в голову (а куда же ещё) новая идея. А не предложить ли Леночке и Саше (моей племяннице и её мужу) присоединиться к нам. Благая весть от них пришла уже через пару недель. Они охотно приняли наше предложение, сообщив, что заказали себе номер в том же отеле. Так что целую неделю нам предстоит радость общения друг с другом.

Пока формулировал эту преамбулу, я едва не забыл, что мы уже оказались перед стойкой ресепшн. Нас радостно приветствовала очаровательная молодая особа в строгом чёрном костюме, которой хватило пяти минут, чтобы оформить наше заселение. Я как бы невзначай напомнил ей, что наша комната должна быть пусть и с боковым, но обязательно с видом на море (seitlicher Meerblick). «Ну, конечно (Aber, natürlich)», – с подкупающей искренностью сказала она, и мы в радостном предвкушении загрузились в лифт. Открыв электронной карточкой дверь, мы вошли в номер. Всё выглядело роскошно, но дышать было нечем. Комната располагалась на южной стороне здания, с чем не мог справиться даже кондиционер. Выйдя на балкон, нависающий над хоздвором, мы убедились, что нас не обманули. Теоретически с этого балкона можно было бы увидеть море, если разрушить всё, что от нас его загораживало. На лице Тани отразилось всё, что она по этому поводу думала. Тихим голосом, не предвещающим ничего хорошего, она решительно произнесла: «Лерик, мы здесь жить не будем. Пойди, пожалуйста, и сделай с этим что-нибудь». Как вы понимаете, я тут же безропотно поплёлся вниз. На сей раз за стойкой сидел весьма пожилой человек в совершенно партикулярной одежде, чем-то неуловимо напомнивший моего папу. Это придало мне решимости, и я, как мог коротко, изложил ему существо проблемы. «И на челе его высоком / Не отразилось ничего». Однако он позвал ту самую прелестницу,

и они с помощью компьютера довольно долго решали наш вопрос. В результате мы получили комнату на теневой стороне здания с балконом, с которого всё-таки можно было увидеть не только море, но и пляж. Ещё долго на моём лице сохранялась маска победителя.

Разобрав чемоданы, мы решили (до ужина оставалось чуть больше часа) провести рекогносцировку местности – конкретно береговой зоны. Чтобы попасть на пляж, нужно было пройти около 50 метров через огороженную деревьями и забором территорию отеля.

Здесь, сбросив обувь, мы сразу ощутили ласковые объятия бархатного золотистого песка. Перед нами насколько хватало глаз раскинулись пляжи Лидо Ди Езоло, протяженностью более 14 км., оборудованные комплектами пляжной мебели. Они состояли из управляемых зонтов со столиками с вмонтированными в них сейфами и лежаков-шезлонгов. На боковой стороне столика находилась табличка с названием отеля и номером закреплённого за отдыхающим комплекта. Так наша мебельная группа имела номер 1423, что давало некоторое представление о пляжных масштабах Лидо Ди Езоло. Однажды мы засиделись на берегу до закатного времени. Вдруг что-то загудело-зашумело, и все зонты, как огромная стая гигантских птиц, одновременно сложили свои разноцветные

крылья. Что это? Как это? Мой приятель Гарик в аналогичных случаях, когда не всё технически ясно, произносит сакраментальную фразу: «Это электричество». Но в данном конкретном случае он был бы совершенно прав. Верхушки зонтов были оснащены электромоторами величиной с полулитровую банку. Позднее мы обратили внимание на то, что по команде невидимого дирижёра зонты одновременно открываются к завтраку в 8-00 и также дружно закрываются к ужину около 19-00. И тогда берег превращается в загадочный лес, бесстыдно обнаживший стволы своих несуществующих деревьев. А с наступлением вечера «на брег песчаный и пустой» выезжают расцветенные разноцветными огнями мусороуборочные машины, чтобы очистить пляж к завтрашнему дню от оставшихся отходов людской жизнедеятельности.

Насладившись морским воздухом с налётом лёгкого огуречного аромата, мы вовремя успели к ужину. Распорядитель проводили нас к столику с номером нашей комнаты и предложил меню на немецком языке, распечатанное на половинке стандартного листка. Нам рекомендовалось сделать непростой выбор из 3 групп блюд, каждая из которых состояла из 3-4 вариантов. В первую группу обычно входили различные виды паст и мясные блюда, вторая группа предлагала рыбный ассортимент, а третья – отвечала за десерт (пирожные, тирамису и мороженое). Всё было очень вкусно и разнообразно. Кроме того на нескольких прилавках выставлялись по принципу шведского стола разнообразные холодные закуски. Эти закуски были так свежи и привлекательны, что после них порой уже не оставалось места для заказанных блюд. Хотя, должен признаться, это происходило крайне редко. По каким-то неведомым нам причинам ресторанная команда была представлена смуглыми улыбающимися молодыми брюнетами из Народной Республики Бангладеш, не владеющими, как выяснилось позднее, ни одним из европейских языков, не говоря уже о русском. Это иногда приводило к забавным казусам. Так однажды Саша так и не смог дожидаться заказанного им блюда. Не помогли даже ненавязчивые об этом

напоминания. Официанты кружились в нервном танце вокруг нашего стола, что-то показывая на листочек с нашим заказом, но ничего не менялось. Саша так и оставался лишенцем. Тогда Леночка потребовала к себе старшего. Саша умолял её отказаться от надвигающейся экзекуции, утверждая, что он уже сыт по горло, но Леночка была неумолима. Её решительный вид говорил – сейчас «прольётся кровь». Спустя несколько тревожных минут у нашего стола выстроилась по стойке смирно вся ресторанная обслуга во главе со старшим, который растерянно держал в руках всё тот же листочек с нашим заказом. Леночка высказала ему на безупречном итальянском всё, что она думала по поводу сложившейся ситуации (думаю, по-русски было бы ещё сочнее). Понял ли он её или нет, но дальше всё стало происходить почти по Гоголю. Возникла классическая немая сцена. Старший, выдержав мхатовскую паузу, стал прожигать испепеляющим взглядом каждого из официантов (было ясно – их ждёт неминуемая гильотина). Далее началась «вторая часть Марлезонского балета». Он, рассыпая мелким бисером, едва ли не со слезами на глазах, стал просить пощады. И Леночка, сменив гнев на милость, позволили принести нам в порядке компенсации за происшедшее недоразумение по бокалу элитного вина и по напёрстку ароматного эспресо. Так бескровно, в конечном счёте, был улажен очередной международный конфликт.

После ужина мы решили прогуляться по местному Бродвею, а заодно и попытаться отыскать отель, в котором мы проживали 13 лет тому назад. Но наша затея оказалось совершенно безнадежной. Маленький в прошлом приморский городок превратился в большой европейский курорт, застроенный вдоль всего многокилометрового берега многоэтажными гостиничными комплексами, у подножья которых и затерялись признаки разыскиваемого нами прошлого. Мы шли по главной улице, освещаемые яркой красочной рекламой десятков магазинов и магазинчиков. У дверей кафе и ресторанов зазывалы разве что только за руки не хватали прохожих, обещая райское наслаждение, начинающееся буквально с порога. Вскоре наши прогулочные

возможности себя исчерпали и мы вернулись в отель, где нас ожидал номер, отвоёванный в суровой конкурентной борьбе. А поутру я уже делал гимнастику на балконе, откуда при наличии богатой фантазии можно было любоваться тёмно-бирюзовым морским приливом. Таня встала с плохо скрываемой обидой на вроде бы внешне привлекательную кровать. После ночи ныло всё тело. Особые претензии были к подушке, на ощупь напоминающей мешок с цементом. Поэтому, едва приведя себя в порядок, Таня пошла искать горничную. Ею оказалась украинка Валентина – беженка из Днепра. Не обошлось, разумеется, без горьких слов и невольных слёз по поводу происходящего в Украине, чему способствовало отсутствие языкового барьера. Проблема с подушкой была решена незамедлительно. Правда, мне показалось, что новая подушка мало чем отличалась от старой. Разве что срабатывал сам фактор замены.

Одолев вполне приличный гостиничный завтрак, мы поспешили на пляж, обсуждая на ходу вопрос – стоит ли выносить из номера полотенца. Однако, проходя мимо ресепшн, мы обратили внимание, что некоторым счастливым вручили нечто похожее на пляжные подстилки. Тут и мы пристроились, сделав для себя ключевой вывод, сформулированный ещё сто лет тому назад Мичуриным – «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача». Подтверждения незыблемости этой аксиомы не пришлось долго ждать. Ещё вчера, разгуливая по пляжному променаду, мы обратили внимание на то, что все береговые туалеты платные. Разумеется, эти траты не могут нанести существенный ущерб семейному бюджету. При этом отдельные персонажи вальяжно подходя к возделенному сооружению, торопливо прикладывали некий браслетик к едва заметной коробочке. При этом раздавался не очень громкий сигнал, и дверь покорно открывалась. Значит нам опять в ресепшн, опять с вопросом-просьбой. А не спросишь-попросишь – не имеешь. Теперь и мы стали счастливыми обладателями волшебного браслета, который, кстати, являлся ещё и ключом к сейфу под зонтиком.

Преодолев без особого труда эти незначительные

проблемы, мы, наконец, приступили к тому, ради чего сюда и прибыли. Постелив на шезлонги свежесвыпрошенные подстилки, я развернул зонтик так, чтобы оба лежака оказались в тени. Признаюсь мне всё-таки хотелось хоть немного побыть на солнце, но Таня была непреклонна. Обычно никакие мои хитрости успеха не имеют. С Таней не забалуешь. Она, не теряя времени, начинает вымазывать моё рыхлое тело антизагарным кремом (50%), не спуская с меня настороженных глаз. Но голь, как известно, на выдумки хитра. Теперь, ощущая уже себя «помазанником», мне всё же удаётся хоть на короткое время подпустить к себе солнечные лучи. Я не спеша, со всей присущей мне основательностью, иду, как говорится, в сторону моря. Медленно вхожу в тёплую прозрачную воду, в которой бултыхаюсь и плаваю, пока не устаю от эйфории на фоне даже такой незначительной нагрузки. Танюша беззаботно плещется рядом со мной. Купание в море – это её страсть. Закончив водные процедуры, я также медленно выхожу из воды, чтобы было видно, что я устал, и вразвалочку иду переодеваться. Таким образом мне всё же удаётся отвоевать жалких 15 солнечных минут.

В свободное от купания время мы лежим под тенью своего зонтика на своих лежаках и решаем сканворды. Нужно признаться, занятие мало интеллектуальное, но оторваться, как и от семечек, весьма трудно. К тому же, если удаётся быстро справиться, начинаешь подсознательно неуклонно расти в собственных глазах. Отлежав себе к часу дня все имеющиеся в наличии бока, мы отправляемся перекусить в кафе, находящееся в 50 метрах от нашего лежбища, где относительно недорого можно съесть по куску, скажем, женеvского пирога, запивая его ароматным капучино. Самое жаркое время мы проводим в номере, а уже после четырёх вновь возвращаемся на пляж. Этого режима мы придерживались все последующие дни уже вместе с ребятами, которые появились, как и ожидалось, на третий день нашего здесь пребывания. Общие радость и ликование были скреплены душевным фуршетом на нашем балконе. В дальнейшем эта приятная процедура стала традиционной для всех

последующих дней. Она проводилась перед ужином и носила оперативно-аперитивный оттенок.

Леночку и Сашу разместили этажом выше, буквально у нас над головой, что давало им возможность смотреть на нас сверху вниз. С появлением ребят наш пляжный распорядок не претерпел никаких изменений. Они же для себя заменили процесс купания (24° в воде для них – холодно) длительными прогулками вдоль берега по щиколотку в воде. «Уставшие, но довольные» они присоединялись к нам и начинался замечательный перетрёп. Темы поднимались достаточно разнообразные – от заранее запланированных до спонтанно возникших. Но с чего бы ни начинался разговор, всё равно завершался он обсуждением ситуации в Украине, посылая самые изошрённые проклятия в адрес обезумевших от неограниченности власти Путина и его клики. Ребята понимали лучше нашего весь ужас происходящего в России, а мы с тревогой и замиранием сердца следили за актуальными сводками с фронта военных действий, горячо обсуждая их последствия. В какой-то момент кто-то из нас восклицал: «Ну, хватит об этом!», и мы, постепенно успокаиваясь переходили к менее волнующим сюжетам. Разумеется, наши взгляды на тот или иной вопрос не всегда совпадали, но от этого уровень удовольствия от нашего общения не снижался. Практически весь день мы проводили вместе. После ужина наш обычный прогулочный маршрут проходил сначала по главной торговой улице Лидо Ди Езоло, состоящей из двух улиц – Виа Левантина и Виа Альгинате. Эта сдвоенная улица является самой длинной улицей Европы. На ней, как на бесконечный шампур нанизаны сотни бутиков и торговых центров, кафе и ресторанов, ночных клубов и дискотек. По вечерам после 20 часов эта магистраль превращается в пешеходную зону. В отель обычно мы возвращались по берегу, вдоль которого тянется набережная Альберта Сорди, выдающегося итальянского комедийного киноактёра и режиссёра.

Два дня спустя метеорологи, к сводкам которых мы ревностно прислушивались, предсказали на предстоящие сутки облачную погоду. И тогда Саша предложил провести

этот день в Венеции. Мы, разумеется, встретили эту инициативу с радостью и благодарностью. Для меня возможность побывать в Венеции без обязательной программы имела особую привлекательность. Уже много лет я мечтал побывать на могиле Иосифа Бродского – одного из самых любимых мною поэтов. Однако по разным объективным причинам это никак не удавалось сделать. Последний раз мы с Танюшей оказались в Венеции в 2009 году. В наши планы, разумеется, входило посещение кладбища Сан-Микеле, куда 21 июня 1997 года был перенесен прах великого поэта по просьбе его жены Марии Соцциани. Но мистическое противодействие моей встрече даже с могилой Иосифа Бродского продолжалось. Попасть на остров именно в тот день по каким-то техническим причинам не представлялось возможным. Это была уже третья попытка, две из которых могли состояться ещё при его жизни, что нашло своё отражение в моём эссе «Как я не встретился с Иосифом Бродским», вошедшем в сборник «Под знаком короны». Но об этом чуть позже.

На сей раз сразу после завтрака мы загрузились в Сашин

внедорожник и уже через 40 минут запарковались у заранее выбранной пристани. Известно, что Венеция – это единственный в мире город, в котором не существует колёсного городского транспорта. В нём людские потоки перемещаются по его бесчисленным каналам при помощи парходиков, катеров и гондол. Мы доплыли до центра города, выйдя на причале Большого канала «Сан-Марко», прошли по пьяцетте, на которой возвышаются,

устремляясь в небо, как готовые к пуску ракеты, символы Венеции – колонны Святого Марка и Святого Теодора; побродили по знаменитой площади Святого Марка, любуясь удивительной архитектурой её доминант – Дворца Дожей, собора Сан-Марко и здания Библиотеки Сан-Марко.

Здесь всё поражало воображение. А смешение архитектурных стилей, переживших многие столетия, дополнительно придавало этому месту загадочную таинственность. Перед нами непрерывно проплывали знаменитые венецианские гондолы, с которых доносилось романтическое пение красавцев-гондольеров, предпочитающих почему-то петь лишь неаполитанские песни. Насладившись красотой этих архитектурных «излишеств», мы, затаив дыхание, ещё долго бродили по мостикам и улочкам старого города. Пока не устали, присев за первый освободившийся столик в оживлённом уличном кафе недалеко от Моста вздохов.

Вскоре наша жизнерадостная четвёрка, удобно расположившись на верхней палубе речного трамвая, уже рассекла воды Венецианской лагуны в направлении острова Сан-Микеле. Здесь я вынужден сделать паузу в моём не очень стройном повествовании. Я хочу коротко поведать моему любознательному читателю, о чём шла речь в упомянутом мною эссе «Как я не встретился с Иосифом Бродским». Много лет тому назад, в конце 60-х годов, я собирался в очередную командировку в Ленинград на ЦНИИ «Аврора», по разработкам которого наше Производственное объединение, где я в те годы трудился, изготовляло сложные комплексы управления судовой

автоматикой. В свободное от служебных дел время я с провинциальной жадностью посещал театры, концерты и с удовольствием встречался с близкими нам людьми. Узнав о предстоящей командировке мой двоюродный то ли брат, то ли дядя, Юра Марьямов попросил попробовать разыскать его друга Фиму Славинского, с которым он давно потерял связь. Мне эта просьба показалась, по меньшей мере, странной (ни адреса, ни телефона), напоминающей сказку «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Но Юра был полон оптимизма, сказав, что достаточно зайти на филфак Университета, произнести фамилию Славинский, и всё разрешится наилучшим образом. К моему удивлению так всё и произошло. Его фамилия срабатывала как пароль. Признаюсь, особой радости на его лице я не увидел, но потихоньку разговор стал налаживаться. Что делается в Киеве? А что у вас в Ленинграде? Что слышно в кино? Что слышно в поэзии? И тут он подскочил, воскликнув: «Чёрт возьми, у меня же в три часа встреча с Бродским». Теперь уже пришла очередь воскликнуть мне: «Фима, это же один из моих самых любимых поэтов!» – добавил я умоляющим тоном. «Ты не мог бы взять меня с собой?». «Пошли», – сказал он. «Только при нём не ляпни – «один из». Он действительно такой только один». Мы бросились бежать и успели вовремя, но Бродского ещё не было. Как оказалось позднее, его не было не ещё, а уже. Так не состоялась моя первая возможная встреча с Иосифом Бродским.

Осенью 1995 года кёльнский книжный магазин «Гонски», находящийся тогда на Ноймаркте, объявил о предстоящем авторском вечере Иосифа Бродского. Нам посчастливилось достать билеты, и в волнующем предвкушении мы стали ожидать встречи с нашим любимым поэтом. За несколько дней до обозначенной на билетах даты поползли слухи о том, что с Бродским что-то случилось. И действительно, на дверях магазина появилось объявление о том, что встреча с поэтом не состоится в связи с его болезнью. Вскоре, 28 января 1996 года, все СМИ планеты Земля объявили о внезапной кончине великого русского поэта, лауреата Нобелевской премии

Иосифа Бродского. Так не состоялась уже и во второй раз встреча с Иосифом Бродским.

И вот мы вновь в Венеции. Наше плавучее транспортное средство (вапоретто или речной трамвай) достигло причала острова Сан-Микеле, где мы и вышли на берег. Прямо перед нами открылся выполненный в строгом стиле арочный вход на знаменитое кладбище, которое было основано по указу Наполеона ещё в 1807 году. Найти православный участок, где был погребён Иосиф Бродский, было не сложно. Аскетичный вид надгробия на его могиле в моём представлении никак не соответствовал величию личности всемирно известного поэта.

Мы положили к подножью цветы, постояли в тягостном молчании несколько минут и, поклонившись, быстро ушли под тревожный звон колоколов церкви Сан-Микеле ин Изола, возвышающейся над островом ещё с XV века. И всё-таки, пусть в такой форме, наша встреча состоялась. На оборотной стороне стелы, установленной на могиле Бродского, выбита надпись на латыни «*Letum non omnia finit*» – «Не всё кончается со смертью».

Поэтому хочется надеяться, что наша встреча уже в равноценном формате может в недалёком будущем всё же состояться.

Мы вернулись в отель аккурат к ужину (а как же? За всё заплачено). Оставшиеся до отъезда три дня мы провели в привычном уже режиме, наслаждаясь взаимным общением и доступными прелестями Итальянской Ривьеры. Лишь наше расставание утром последнего дня

смогло внести каплю дёгтя в огромную бочку лидо-ди-езоловского мёда. В вестибюле отеля нас уже встречал водитель мерседеса, который загрузив чемоданы, покорно ожидал завершения наших прощальных объятий. Мы отправились в аэропорт, а ребята – в свою Ломбардию.

Октябрь, 2022 год

*Слугай
в Эдинбурге*

Недавно моя жена («Ужель та самая Татьяна»), вернувшись домой из Шотландии после кратковременного визита к своему племяннику, прямо с порога заявила мне тоном, не терпящим никаких возражений: «Лерик, мы с тобой безнадежно устарели. С этим надо что-то делать». Это утверждение не стало для меня какой-то неожиданностью или ошеломляющим открытием. Учитывая наши возрастные достижения, с этим нельзя было не согласиться. Смущал только глагол устарели, который в отличии от глагола постарели вносил совершенно новый какой-то даже угрожающий оттенок. А ларчик, как говорится, открывался просто. При прохождении регистрации в аэропорту Эдинбурга неожиданно возникли непредвиденные осложнения. Таня, не владеющая английским (но это было бы ещё полбеды), не сразу поняла в чём было существо проблемы, а сотрудница аэропорта не понимала немецкой речи (вот это уже беда). С грехом пополам выяснилось, что от Тани почему-то требовалась доплата в размере 5 фунтов. А у неё, естественно, были лишь евро, которые она с готовностью протянула сотруднице. Та с необъяснимым раздражением отказалась их принять, предложив обратиться в обменный пункт или расплатиться карточкой. Карточки у Тани тоже с собой не оказалось, а искать обменный пункт без владения языком она просто не рискнула. Пока продолжалось выяснение отношений из очереди на регистрацию стали раздаваться возмущённые голоса, дескать «проваливай и не задерживай всех». Татьяна неожиданно проявила не свойственную ей твёрдость характера, а протестное движение в очереди нарастало.

Трудно даже предположить, чем это могло завершиться, если бы в ситуацию не вмешался вышедший из бурлящей очереди молодой человек, который любезно предложил внести эти самые 5 фунтов. Однако история повторилась ещё дважды. Сначала в кафе терминала, а затем уже в самолёте. Ни там, ни там изголодавшейся Татьяне не позволили хоть немного перекусить и выпить чашечку кофе. И там, и там у неё напрочь отказались принимать дорогие нашему сердцу евро. Выяснилось, что в Шотландии теперь большинство

финансовых операций производятся безналично. В результате такой взъерошенной, неевшей-непившей Таня прибыла домой. Тогда-то и прозвучала сакраментальная фраза: «Лерик, мы с тобой безнадежно устарели». Я, как мог, попытался успокоить мою дорогую жену, но ситуация, которую Тане пришлось пережить, не только надолго поселилась в моём сознании, но и породила целый ряд неожиданных размышлений. Эти размышления лишь косвенно вытекали из эпизодов в аэропорту Эдинбурга. Ведь совершенно очевидно, что большинство людей нашего поколения существенно отстают от темпов внедрения в нашу жизнь современной техники. Компьютеризация со всеми вытекающими из неё последствиями ворвалась в наш быт, заняв в нём лидирующее место, внося существенные поправки в наш «великий, могучий русский язык».

Всевозможные электронные устройства и приспособления (гаджеты, девайсы, аксессуары) стали неотъемлемой составляющей нашей обыденной жизни. К этим словам, так называемым неологизмам, мы ещё вернёмся. Сейчас лишь отметим что неологизм в переводе с греческого означает «новое слово» или «новое словосочетание». Собственно о них, главным образом, и пойдёт речь дальше. Как писал В. Маяковский «кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки – кто их, к чёрту, разберет!». А я всё-таки хочу хотя бы попытаться. На самом деле нам людям старшего поколения во всём этом разобраться трудно. Однако пришлось, поскольку другого пути не существовало. Безвозвратно исчезли сперва дисковые, а затем и кнопочные телефонные аппараты, возможность использования которых зачастую ограничивалась длиной шнура. За несколько десятилетий телефоны превратились из громоздких аппаратов в лёгкие и умные мини-компьютеры, способные поддерживать связь со всем миром посредством радиоволн и интернета. Бесповоротно исчезли ящики-радиоприёмники, граммофоны и патефоны, радиолы и электропроигрыватели, магнитофоны и даже плееры. Одновременно ушли в прошлое отработавшие свой век носители звуковой информации – виниловые грампластинки, аудио- и видеокассеты, компакт-диски.

На смену пришли планшеты, ноутбуки, сотовые (мобильные) телефоны, представляющие собой по сути многофункциональные мини-компьютеры. Короткое слово мини совершенно не отражает заложенные в них возможности, одно перечисление которых заняло бы без преувеличения несколько страниц. Я даже и не буду пытаться это делать, не потому, что боюсь утомить вас, а лишь потому, что мне самому удалось освоить функции этих устройств не более, чем на 80%. В то же время я часто имел возможность наблюдать в транспорте, как дети даже дошкольного возраста с завидной лёгкостью управляют с любыми видами телефонов, осваиваемых нами с таким трудом. Некоторые умники, демонстрируя, правда, искреннее желание помочь, рекомендуют обращаться к гуглу, где по их мнению можно получить ответ на любой вопрос. И это правда. Однако проблема состоит в том, что я часто не могу понять язык, которым написан текст найденных мною ответов-рекомендаций, при всей доброжелательности автора. Их лексикон, заимствованный из английского языка, почти сплошь состоит из технических терминов, представляющих собой на самом деле некий компьютерный жаргон. Эдакую компьютерную феню, расшифровка которой требует дополнительной специальной подготовки и накопленного опыта.

Так постепенно, будто бы незаметно, «великий, могучий русский язык» стал разбавляться так называемыми неологизмами, напрямую заимствованными из английского языка. Причём, если поначалу в связи со всеобщей компьютеризацией в этом был определённый смысл и даже необходимость, то впоследствии эти самые неологизмы начали бессовестным образом проникать в нашу обыденную речь, прочно закрепляясь в ней. Стало модно с эдакой небрежной лёгкостью вплетать в разговор иностранные словечки, тогда как в русском языке испокон веков существовали их прямые аналоги. Поражает набирающая силу словесная вседозволенность. Тут я позволю себе ещё немного отвлечься или, как говаривал Л. Н. Толстой «Не могу молчать!». Особенно режет слух, когда подобное звучит, причём даже с некоторой бравадой, из уст дикторов и ведущих программ

Центрального Телевидения. Порой доходит до того, что из эфира несутся нецензурные выражения, а иногда и просто похабщина. Такие слова, как трахаться, насрать, жопа, вошли практически в повседневный лексикон. В связи с этим припомнился старый наивный школьный анекдот:

Учительница предлагает:

– Дети, назовите слово на букву Ж.

Вовочка с готовностью выпаливает:

– Жопа.

Учительница гневно:

– Такого слова нет. Немедленно стань в угол.

Вовочка канючит из угла:

– Как же так? Жопа – есть, а слова – нет.

Примером же похабщины может служить выступление Путина в начале года на пресс-конференции по итогам российско-французских переговоров. Он на голубом глазу, со своей улыбочкой карточного шулера, пойманного на жульничестве, произнёс фразу из старого похабного анекдота: «Нравится, не нравится – терпи, моя красавица». И все российские СМИ, захлёбываясь от восторга, принялись многократно цитировать эту пошлую «шутку». Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Однако я чувствую, что уже чересчур начинаю отклоняться от темы. А потому вернёмся к неологизмам, которые всё больше и больше вытесняют из русского языка привычные нашему уху и глазу их синонимы и аналоги.

Взять, к примеру, слово **троллить** в дословном переводе с английского trolling означает «ловля рыбы на блесну». Википедия трактует его значение, как «иронизировать или подкалывать» (кстати тоже недавно появившееся словечко). А ещё можно использовать такие слова, как оскорблять или унижать, несущие по сути ту же смысловую нагрузку. Отчего же так уж необходимо употреблять незнакомое слово **троллить**? Ответ прост – это очень сейчас модно. Так сейчас носят.

Всё чаще мы слышим слово **фейк**, что в переводе с английского «fake» означает «подделка» или, как толкует википедия, нечто ложное, недостоверное, сфальсифицированное.

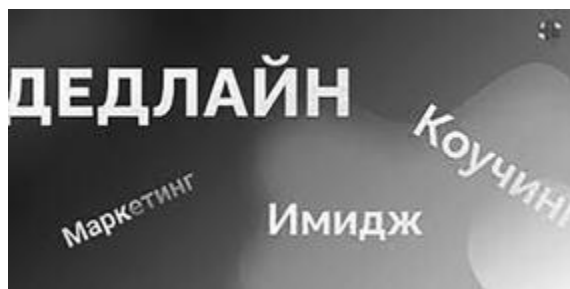
А не лучше ли применить такие хорошо знакомые нам слова, как ложь или обман. Как видно не лучше. **Фейк** и точка.

В штатных расписаниях современных учреждений появилась штатная единица – **клининг-менеджер**. Несведущему человеку и не определить, о ком идёт речь. На самом деле всё просто. Термин **клининг** от английского «clean», что в переводе означает – убирать, чистить; а термин **менеджер** от английского «manager», что в переводе означает – управляющий. А оба слова вместе, вы не поверите, – уборщица. Но назвать уборщицу уборщицей как-то не комильфо. Вот и подметает в офисе не просто уборщица, а **клининг-менеджер**. Куда как солиднее.

А ещё вы наверняка слышали словосочетание **когнитивный диссонанс**. Выражение, означающее в переводе с латинского «cognitio» – «мысль» и «dissonantia» – «несозвучность» или «нестройность». Можно конечно просто сказать: «Он неадекватен». Ну, куда это годится? Даже звучит как-то обидно. Другое дело, если произнести с лёгким прононсом: «У Петровича случился **когнитивный диссонанс**». Музыка, да и только!

Теперь позволю себе провести нестандартный лингвистический эксперимент. Для этого я отобрал практически наугад семь широко употребляемых неологизмов со ссылкой на их трактовку в википедии.

Вот они: **дедлайн** в переводе с английского «deadline» –

«мёртвая линия», что понимается как крайний срок выполнения задачи или работы; **локдаун** в переводе с английского «*lockdown*» – режим строгой изоляции или карантин; **инсайдер** в переводе с английского «*insider*» – член какой-либо группы людей, имеющей доступ к информации, недоступной широкой публике; **заккрыть гештальт** – это значит, до конца с чем-то разобраться, справиться; **девайс** в переводе с английского «*device*» – электронное устройство, используемое в сфере высоких технологий; **хайп** в переводе с английского «*hype*» – «шумиха» или агрессивная реклама; **хейтеры** – ненавистники или недоброжелатели; существительное, образованное от английского слова «*hate*» – «ненавидеть».

Осталось придумать не очень сложное предложение, чтобы затем воспроизвести его, используя отобранные неологизмы. Предложение, нужно сказать, получилось несколько странным, но не лишённым всё же смысла.

Наш сотрудник, не взирая на изоляцию, чтобы избежать шумихи и яда недоброжелателей, должен был освоить новое устройство, полностью разобравшись в нём, до установленного срока.

А вот теперь представьте себе, как будет выглядеть этот же текст, если заменить в нём привычные слова отобранными неологизмами.

*Наш **инсайдер**, не взирая на **локдаун**, чтобы избежать **хайпа** и яда **хейтеров**, должен был освоить новый **девайс**, **закрыв** тем самым этот **гештальт**, не дожидаясь **дедлайна**.*

Каково! Не правда ли мило? А чтобы утвердить вас в мнении, что автор этого текста ещё не окончательно устарел, закончу своё незамысловатое эссе, как мне кажется, вполне современно.

Приведенный выше текст, учитывая актуальность его **нарратива**, если он засветится в чисто конкретных **пабликах**, может стать даже весьма популярным **мемом**.

Декабрь, 2022 год

*Тары-бары
о сборе тары*

Однажды перелистывая кёльнскую газету «Express» (признаюсь, делаю это не часто), я натолкнулся на небольшую заметку, в которой говорилось о судьбах, ни больше ни меньше, возвратной тары (бутылок, банок). По правде говоря, опубликованные в тексте цифры меня просто поразили. Оказывается, до 2003 года в Германии ежегодно выбрасывалось около 3 миллиардов одноразовых бутылок, которые существенно загрязняли окружающую среду. К тому же меня удивило, что такие рачительные немцы с лёгкостью выбрасывали, в полном смысле этого слова, на ветер хоть и не большие, но всё же какие-то деньги. Кроме того, если верить автору этой статьи, то каждый год европейцы используют до 50 миллиардов алюминиевых банок (вот так жажда!), являющимися едва ли не самыми ценными видами возвратной упаковки. Шло время, и ситуация за прошедшие двадцать лет кардинально изменилась. Так сегодня в Германии показатель возврата опустошённой тары составляет 98%. Эти удивительные цифры неожиданно пробудили во мне живейший интерес. Мало интересная, на первый взгляд, тема вызвала у меня целый поток размышлений, которыми я теперь решил поделиться с вами.

Людам, проводившим изрядную часть своей жизни в цепких сетях страны Советов, хорошо известно, что там, на этой загадочной территории можно было открыть почти любую дверь при помощи известного всем волшебного ключика. Роль такого ключа выполняла взятка. Многообразие видов даваемых взяток вполне могло бы быть отмечено как высшее достижение в книге рекордов Гиннеса. Фантазия дающих взятки не имела границ. Ведь голь на выдумки хитра. В ход шли деньги, цветы, книги, продукты питания, одежда и даже интимные услуги (впрочем, почему даже). На любую дверь, за которой могло хоть что-либо решаться, можно было без колебаний вешать табличку «Без «доклада» не входить». Однако королевой взяток безусловно являлась бутылка. Собственно оно и понятно. С одной стороны – ценовая доступность, а с другой, пьянство в стране Советов достигло таких масштабов, что бутылочка-другая приличного алкоголя практически всегда была к месту. Порой

одной бутылкой дело не ограничивалось, приходилось накрывать так называемую поляну. Короче говоря, «на сухую» чаще всего вопрос не решался, требовалась специфическая смазка.

Так постепенно возрастала роль бутылки в жизни простого советского человека. Собственно речь в этом эссе пойдёт не о содержимом бутылки, тут бы мы оказались в дремучем лесу, выбраться из которого нам вообще вряд ли удалось, а о самой бутылке. Точнее, о дальнейшей её судьбе после освобождения от содержимого. Иначе говоря, речь пойдёт о стекло- и иной таре. К пустым бутылкам простые советские люди тоже всегда относились с определённым пиететом. Их не выбрасывали, а тщательно копили, мыли и бережно несли в специально оборудованные пункты приёма стеклотары, где получали за них так называемые залоговые деньжата, включённые системой торговли в стоимость продаваемого напитка. В те времена (не будь добрым словом помянутыми) зарплата дипломированного инженера не превышала 134 рублей. Следует учесть, что обычная среднестатистическая семья из 4 человек в течение месяца поглощала, как утверждает статистика, напитков, на сумму около 30 рублей (семьи алкашей в расчёт не принимаются), треть из которых (свыше 10 рублей) приходилась на возвратные деньги за тару. Это в свою очередь составляло примерно 3-4 % семейного бюджета. В результате тогда на улицах, площадях и скверах городов страны Советов можно было натолкнуться на мусор любого вида, только не на бутылки или банки. Бережливые граждане тащили их в пункты приёма, напоминающие

своим видом давно заброшенные сараи, где капризный приёмщик в замусоленном комбинезоне, лишь по своему усмотрению мог что-то из принесенного на сдачу принять, а что-то без достаточной аргументации отклонить, процедив сквозь зубы короткий приговор: «Сколы».

Если же сдающий то ли по наивности, то ли в силу неумного темперамента пытался этому противодействовать, приводя в оправдание жалкие доводы типа «я же всё лично проверил», то перед его носом тотчас могло захлопнуться окошко, на котором, как по мановению руки волшебника в комбинезоне, появлялась табличка («Переучёт» или «Нет тары»), извещающая зарвавшегося сдающего о неожиданном прекращении приёма. Тогда приходилось тащить свои сумки с бутылками и банками снова домой. В этой ситуации лишь наиболее сообразительные волокни свою поклажу к задней двери приёмного пункта, где слёзно умоляли принять всю принесенную ими тару хотя бы за полцены. Приёмщик, так и быть, соглашался, но только в виде личного одолжения.

Каково же было наше удивление, когда, приехав в 1994 году в Германию, мы увидели валяющуюся на улицах и в палисадниках разного вида эту самую тару из-под горячительных и прохладительных напитков и переполненные бутылками урны. Увиденное тем более поражало воображение, поскольку всё это очень контрастировало с общей ухоженностью города и чистотой городских артерий. Мы знали, что немецкий орднунг (порядок) имеет едва ли не генетическое происхождение. На многих улицах Кёльна городским муниципалитетом были установлены специальные контейнеры для стеклянных бутылок – отдельно для прозрачных бесцветных, отдельно для цветных. Но даже эта мера не помогала, тем более, что существовало ещё множество видов тары из пластика и алюминия. Различные бутылки и банки продолжали беспорядочно валяться, где ни попадя. Причина была вполне понятна. Производители напитков считали, что в цену товара нет смысла закладывать возможность возврата стоимости тары в виду её незначительности в сравнении со средствами, вложенными

в производство напитков. Упорядоченности немецкого быта можно было позавидовать, особенно нам, приехавшим из страны с пресловутым плановым ведением хозяйства, только порождавшим в обыденной жизни бытовой хаос.

Оказавшись в Германии, мы выбрали местом нашей дальнейшей жизни город Кёльн (тогда ещё существовала возможность выбора). Довольно легко нашли себе квартиру на востоке города в небольшом шестиквартирном доме. Соседка, в прошлом местная знаменитость, успешно выступавшая на городских сценических площадках с репертуаром Сары Леандр, (впрочем, это к делу совершенно не относится) перво-наперво ознакомила нас с основными правилами общежития (спасибо, что ей хватило терпения пробиться сквозь языковой барьер). Особое внимание было уделено, разумеется, вопросам чистоты и порядка в доме. Отныне в наши обязанности входила уборка раз в две недели лестничной клетки на нашем этаже; два раза в году уборка в хозяйственном подвальном помещении, и обязательная сортировка бытовых отходов прежде, чем заполнять ими соответствующие мусорные ёмкости. Нам интересно было узнать, как немцы относятся к сбору и сортировке мусора. Практически в шаговой доступности от нашего дома установлен огромный серый бетонный контейнер, в который следует выбрасывать несортируемый мусор и пищевые отходы; рядом стоят пластиковые баки – синий для бумаги и картона и жёлтый для упаковочного пластика.

Стеклянные бутылки, или так называемую стеклотару, приходилось

отволакивать в специальные контейнеры, размещённые в двух кварталах от нас. Это было не очень удобно, но как-то же нужно было избавляться и от этого мусора. Такая ситуация продолжалась до 2003 года, когда правительство Германии после длительных дискуссий и необходимой подготовки приняло решение о приёме от населения так называемой депозитной тары. В соответствии с этим решением были установлены привлекательные цены на все виды возвратной тары.

Теперь я вынужден превысить допустимый уровень зазудства и подробно, насколько это возможно, остановиться на установленных залоговых ценах возвратной тары. А вдруг кому-нибудь когда-нибудь это понадобится. Только не надо смеяться. Просто по-другому я не могу. Внутренний голос меня постоянно подзуживает: «Давай подробности!». Приходится давать. Итак, залоговая или депозитная тара делится на две основные категории – одноразовая и многоразовая. Одноразовые бутылки, как уже ясно из самого названия, не могут быть использованы повторно. Они сразу идут на переработку для дальнейшего изготовления новой тары. На все виды одноразовой тары установлена единая цена – 25 центов. Многоразовые бутылки после их возврата проходят санитарную обработку, затем тщательно моются и поступают на предприятия, где их вновь наполняют соответствующими напитками. Стекланные бутылки разрешено заново использовать без потери качества напитка до 50 раз, а пластиковые бутылки – не более 25 раз. У меня, правда, возникает вопрос (кстати о зазудстве), а как определяется количество раз переработки. Но это уже, как говорится, совсем другая тема. А пока вернёмся к ценам на многоразовую тару. Многоразовые стекланные бутылки из-под пива (всех размеров) – по 8 центов. Многоразовые бутылки из-под пива с откидывающейся крышкой – по 15 центов. Многоразовые бутылки из-под воды (стекло или толстый пластик) – по 15 центов.

Многоразовые бутылки из-под сока или безалкогольных напитков – 15 центов.

Такая конкретика позволила создать специальные

автоматы для приёма возвратной тары, так называемые тараматы, которые установили в большинстве супермаркетов Германии. Для удобства пользователей на их фронтонах разместили необходимые указания по их эксплуатации. После последней съеденной автоматом бутылки, он любезно выдаёт чек, по которому при выходе в кассе можно получить деньги, или обозначенная на нём сумма, будет зачтена при расчётах за сделанные покупки. Последнее время возле этих автоматов довольно часто можно увидеть даже небольшие очереди людей с заполненными бутылками огромными сумками, желающих быстро поправить своё бедственное материальное положение.

Приняв решение о компенсации цены за возвратную тару, заложенную в стоимость напитков, и объявив об этом, государство открыло ящик Пандоры. В хорошем смысле этого слова. Первыми, кто откликнулись

на эту возможность, были представители самых нижних ступеней социальной лестницы. По городу в местах наибольшего скопления людей появились бесцветные личности с большими полиэтиленовыми сумками, из которых доносилось характерное позвякивание. Они обшаривали все встречающиеся на их пути урны, вплоть до мусорных контейнеров в пригородных поездах, бесцеремонно отодвигая любые помехи. Эстафету от них приняли малообеспеченные слои общества, которые быстро смекнули, что сбор и сдача возвратной тары может стать существенной поддержкой хлипкому семейному бюджету. Наиболее продвинутые из них выходили на «охоту» в гигиенических перчатках и с фонариками. Очень быстро город стал заметно чище.

К этому нелёгкому бизнесу (волка ноги кормят, а не только социальное пособие) в последние годы подключились и отдельные члены нашей еврейской общины, которые при встрече со своими знакомыми стыдливо отворачивались. Хотя в этой их не очень законной трудовой деятельности ничего постыдного не было и нет. С одной стороны, коммерция – черта национальная, а с другой – приятно ощущать себя санитаром пусть не леса, так города.

Декабрь, 2022 год.

«Золушка»

Уже за 10 дней до Нового Года стало ясно, что никакой «групповухи» в новогодний вечер не будет. Компания распалась по вполне объективным причинам. Одни планировали уехать к детям и внукам в Баден-Баден, другие доверчиво прислушивались к остаточным признакам перенесенного коронавируса, а кое-кто ещё продолжал развлекаться во Флориде. Да и признаться, вести, приходящие из истекающей кровью Украины, не способствовали праздничному настроению. Поэтому, чтобы не просиживать весь новогодний вечер перед опостылевшим телевизором, возникла идея пойти в театр («StaatenHaus am Rheinpark», что в прямом переводе на русский язык выглядит как «Государственный дом в парке на Рейне»), где давали премьеру оперы Джоаккино Россини «Золушка» (La Cenerentola).

В этом месте я вынужден припомнить всем уже навязший афоризм: «хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах». Однако он в данном случае очень к месту. Буквально за неделю до Нового Года мы посетили нашего домашнего врача. Это был плановый ежеквартальный визит, единственный прок от которого – получение рецептов на трёхмесячный запас всех прописанных лекарств. В практике, как всегда, было не протолкнуться. Ожидающие тихо постанывали, громко кашляли и вызывающе сморкались. Какие уж тут антиковидные маски... В этих обстоятельствах и противогазы не смогли бы помочь. Однако даже сквозь такую вирусно-бактериальную пелену нам всё-таки удалось прорваться к врачу и получить долгожданные рецепты. Цель была достигнута. Если же кто-то из нас по наивности всё же робко пытался на что-то пожаловаться, то в ответ слышал с интонацией фальшивого сочувствия уже знакомое: «Что же вы хотите. Мы над годами не властны». Так и уходишь от врача с твёрдым убеждением, что ничего другого не остаётся, как донашивать то, что отпущено свыше.

И всё-таки мы ушли не с пустыми руками. На сей раз нам удалось унести с собой стаю вирусов лёгочного гриппа. Уже через два дня мы дружно слегли, оглашая квартиру душевраздирающим кашлем. Мы получали по телефону великое

множество советов от наших друзей и знакомых – людей бывалых. Но ничто не приносило облегчения. О каком уж походе в театр могла идти речь... В результате весь предновогодний канун мы хриплыми голосами из положения лёжа обменивались взаимными поздравлениями со всеми родными, друзьями и близкими. Не прошло и двух недель, как гриппозное состояние покинуло нас под напором антибиотиков и тёплого питья. Тогда-то мы вновь припомнили об идее похода на «Золушку».

Надо сказать, нам просто повезло. На 8 января был объявлен последний спектакль премьерного цикла «Золушки». Все последние годы спектакли Кёльнского оперного театра проходят во временно приспособленных для этого залах ярмарочного павильона «Государственного дома в парке на Рейне». Но, как известно «Нет ничего более постоянного, чем временное». Снова меня потянуло на банальности. Хотя, как мне кажется, к месту. Чтобы стало понятно, о чём пойдёт речь, придётся окунуться в недалёкое прошлое.

В конце XIX века муниципалитет Кёльна принял решение о строительстве своего оперного театра. В результате в 1902 году в самом центре города было возведено образцовое по законам классицизма здание театра «Theater am Nabsburger Ring».

Однако, этому зданию, пострадавшему от бомбардировок во время двух мировых войн, суждена была короткая жизнь. Оно простояло лишь чуть более пятидесяти лет. Новый те-

атр по проекту Вильгельма Рипханана в стиле модерн был построен в 1957 году на месте бывшей городской синагоги на Оффенбахплац, сожжённой нацистами в годы войны. Снаружи здание напоминало бетонную коробку, по виду

которой трудно было предположить, что в нём сможет найти прибежище Мельпомена. Однако театр славился своей акустикой и очень удобными для зрителей навесными балконами, которые как спелые гроздья винограда свисали над партером. Мы часто бывали в этом зале, и нам всё нрави-

лось.

Совершенно неожиданно в начале XXI века было принято решение о масштабных реставрационных работах, которые начались в 2012 году. С этого момента оперные спектакли стали

проходить в различных временных помещениях, а уже с 2016 года Кельнская опера стала использовать для своих спектаклей помещение «StaatenHaus am Rheinpark» в Дойце. Изначально реставрационные работы планировалось завершить за три года, на что было отпущено чуть больше четверти миллиарда евро (!). Однако уже в 2022 году стало ясно, что строительство нового здания оперы в лучшем случае будет завершено к сезону 2024/25 годов, а ожидаемые общие затраты, включая затраты на альтернативные площадки, вырастут до более чем одного миллиарда евро (!!). Эта ситуация породила у меня один вопрос – нет ли здесь пусть и музыкальной, но всё же коррупционной составляющей? Впрочем, может быть это просто старческое брюзжание... Возможно. И всё же мне кажется, что, учитывая внушительность вложенных средств, за 12 лет можно было бы отгрохать небольшой городок.

8 января в Кёльне выдался прекрасный тёплый солнечный день. Мы шли по Рейнскому парку, наслаждаясь таким странным зимним днём. У здания театра толпился народ. Мы без труда купили билеты стоимостью по 8 евро (в Кёльне существует такая преференция для обладателей

Кёльн-пасса) и прошли в зал. Нам сразу бросилось в глаза, что для оркестра, наконец, была сооружена оркестровая яма. Раньше оркестр теснился за кулисами справа от сцены. Поэтому исполнители вынужде-

ны были периодически косить глазом в сторону дирижёра. Теперь же дирижёр мог занимать своё законное место по центру сцены. К третьему звонку зал был почти полностью заполнен. Взмах руки и волшебная музыка полилась в зал.

Джоаккино Россини написал эту зажигательную оперу всего за 24 дня. Премьера «Золушки» состоялась в Риме 25 января 1817 года. С тех пор этот оперный шедевр Россини можно было услышать со многих мировых сцен. Сюжет «Золушки» является одним из популярнейших сюжетов, имеющий большое количество воплощений как в народном творчестве различных стран мира, так и в произведениях выдающихся писателей, поэтов и драматургов. Кто только не брался за эту тему. И всё же ближе всего для нас оказалась «Золушка» Шарля Перро. Не судите строго, если я зволю себе вкратце напомнить её содержание. В этой сказке говорится о бедной девушке (Золушке), которой приходится жить со злой мачехой и её дочерьми, исполняя всю чёрную работу по дому. А в королевском дворце идёт подготовка к балу, на котором принц должен выбрать себе невесту. Мачеха и сёстры едут на бал в надежде завоевать благосклонность принца, а Золушку с собой не берут. Но на помощь Золушке приходит добрая Фея, которая, отправляет Золушку на бал, помогая ей тем самым обрести своё счастье. Благодаря хрустальному башмачку, Принцу удаётся найти Золушку, на которой он и останавливает свой выбор.

Люди старшего поколения часто с удовольствием вспоминают фильм «Золушка» (1947) по сценарию Евгения Шварца, в котором блестяще сыграли Фаина Раневская (мачеха), Эраст Гарин (король) и Янина Жеймо (Золушка). Это замечательное кино изначально создавалось как сказка для детей, но очень скоро усилиями их родителей фильм разошёлся на цитаты. Разве можно забыть эти прелестные фразы:

- Эх, жалко королевство маловато, разгуляться негде!
- Я не волшебник, я только учусь.
- Какое сказочное свинство!
- Крошки мои, за мной!
- Ухожу в монастырь!

Однако пора вернуться в зал, где уже зазвучала увертюра. Возможно это может показаться странным, но Россини использовал здесь музыку из своей же оперы «Газета», которая к тому времени была уже достаточно известна. Местами также можно было слышать и прямые цитаты (целые музыкальные фразы) из уже популярной в то время его же оперы «Севильский цирюльник».

Сюжетная линия либретто Якопо Ферретти к опере «Золушка», хоть и созданного на основе сказки Шарля Перро, всё же существенно отличалась от оригинала. Хрустальную туфельку успешно заменил браслет, по которому Принцу Дону Рамиро удалось отыскать покинувшую бал Золушку и тут же без колебаний предложить ей руку, сердце и в качестве бонуса – королевство. Его роль исполнил солист Московского театра «Геликон-опера» сладкоголосый лирический тенор Дмитрий Иванчей. Место злой мачехи по либретто Ферретти занял коварный отчим Золушки – Дон Магнифико, которого прекрасно сыграл и спел аргентинский бас-баритон Омар Монтанари. Добрую фею Ферретти заменил весёлым камердинером принца Дандини, которого представил публике Вольфганг Штефан Швайгер. Его красивый сочный баритон и комедийный талант очень оживляли происходящее на сцене. Прелестная Золушка (Ангелина) была одинаково хороша и с метлой в скромном облачении служанки, и в роскошном платье во время танцев на балу. Бархатное меццо-сопрано широкого диапазона

позволяло колумбийской вокалистке Адриане Бастидас-Гамбоа легко переходить от высоких колоратурных фигур до неожиданных мелизмов вниз. Всё радовало слух – и оркестр, и хор, и исполнители вокальных партий. Особенно красиво звучали ансамблевые сцены, отличающиеся поразительным мастерством.

Не менее впечатляющей, на мой взгляд, была постановочная работа. Последние годы современные режиссёры, берясь за классический материал, стараются изо всех сил его осовременить. Этим новаторам почему-то кажется, что они лучше

разбираются в замыслах авторов. Зачастую мизансцены «улучшались» современной вседозволенностью. Стремление потрафить низменным вкусам публики доходило до малопривлекательного шабаша полураздетых дам из массовки, а порой даже до откровенной имитации секса на сцене, что резко диссонировало с лучшими образцами классической оперной музыки. Нездоровое оживление в зале служило сомнительной формой признательности изыскам постановщиков. Нам, к сожалению, неоднократно приходилось сталкиваться с подобной безвкусицей. Однако сей раз мы были приятно удивлены. Несмотря на то, что и в данном случае пространство спектакля было полностью осовременено, но исполнено это было без пошлости, изобретательно и со вкусом. Приглашённая для работы в Кёльнской опере режиссёр Сесилия Лигорио имела к тому времени уже большой кино- и театральный опыт. Ей удалось осуществить в «Золушке» множество интересных постановочных

подходов. Так символом дворцового бала стали пять огромных светящихся букв P A L A C E, свободно перемещающихся по сцене, образуя по воле режиссёра всякий раз необходимую территорию для задуманных мизансцен. Поведение действующих лиц иногда напоминало поведение персонажей комедии дель арте. Задник декорации заключительных сцен спектакля был оформлен как последние ка-

дры старых голливудских фильмов.

В целом спектакль нам очень понравился – и музыка, и вокал, и инсценировка. Перечитав последнюю строчку, я понял, что собственно именно ради этой фразы мною и написан предложенный вам текст, напоминающий рецензию на спектакль для районной газеты.

Январь, 2023 год.

Автобус №154

Был обычный кёльнский осенний день. Свинцовые тучи угрожающе нависали над головой, готовые в любую минуту пролиться плотным холодным дождём. Но, как писал М. Жванецкий «у нас с собой было». В данной ситуации имеются ввиду зонтики. Вообще-то следует заметить, что для предусмотрительных жителей Кёльна зонтики являются обязательной составляющей их одежды. Мы шли не спеша (последние годы по известным причинам мы перестали торопиться), любуясь пёстрыми кронами осенних деревьев, шли к остановке автобуса №154 из магазина «Mix Markt», расположенного в Порце (район Кёльна). В этом магазине весь персонал говорит по-русски. Здесь покупателям предлагается широкий выбор продуктов, хорошо знакомых ещё по прошлой жизни. При этом их ассортимент постоянно и щедро обогащается европейским разнообразием.

Перед входом в автобус мы поспешно натянули на себя ненавистные антиковидные маски (от этого видимо нам уже не суждено в ближайшее время избавиться). Но об этом – в другой раз. Так сложилось, что автобусный маршрут №154 служит нам верой и правдой уже много лет. Его продолжительность из конца в конец (от Дюнвальда до Порца) составляет ровно один час. Этим автобусом мы без труда (всего за 20 минут) добираемся до Еврейского культурного центра в Порце, где по разным поводам (а то и без) бываем довольно часто. Для нас удобство заключается ещё и в том, что его остановка находится буквально рядом с нашим домом. Много лет кряду в летнюю пору мы ездили этим же рейсом, но в противоположную сторону, где в лесопарке

Дюнвальда нас встречало своей сверкающей зеркальной гладью прелестное лесное озеро. Мы плавали, загорали и принимали воздушные ванны, сидя в принесенных с собой лёгких переносных

креслицах, наслаждаясь в тиши окружающей природой.

На остановке «Рудольф-Дизель-штрассе» в автобус зашёл аккуратно одетый молодой человек ближневосточной внешности. Робко озираясь, он взглядом просканировал полупустой автобус и подсел к нам. Обычно мы, если есть такая возможность, стараемся сесть друг против друга в так называемом четырёхместном «купе». Уткнувшись в свои электронные книжки, мы самозабвенно углубляемся в чтение, изредка поглядывая в окна, чтобы не пропустить свою остановку. Такое с нами бывало неоднократно.

Молодой человек, подсевший к нам, обращал на себя внимание. Его явно что-то беспокоило. Нам даже показалось, что он нервно вздрагивал при звуках голосовых объявлений. Спустя какое-то время он обратился к нам с вопросом, который мы поняли не сразу. Его немецкий язык был ещё хуже нашего. Однако вскоре всё же удалось разобраться, что он сел в автобус, идущий в противоположном направлении, о чём я ему и сказал двумя простыми словами, подкрепив их ещё более простыми жестами. Молодой человек, как мог, поблагодарил и поспешил к выходу. Но Тане этого показалось недостаточно. Она, в порыве самых лучших побуждений, стала ему вслед что-то сбивчиво говорить. Он резко притормозил в попытке понять ему сказанное. На его лице появилось выражение полной растерянности, которое вскоре сменилось уже миной настороженности. Возможно, в Таниной сбивчивой речи ему послышалось уже почти привычное клеймо: «Понаехали!». Однако Таня, не имея в виду ничего дурного, снедаемая неразделёнными в полной мере чувствами милосердия и человеколюбия, продолжала гнуть свою линию. Мои попытки погасить её просветительский порыв разбивались о Танино неутолимое желание поделиться максимальным количеством имеющейся у неё по данному вопросу информации. Автобус остановился на ближайшей остановке, но парень, замороженный Таниными рассказами, так и не разобравшись в ситуации, вновь сел на прежнее место. Тем временем автобус подкатил к нашему дому, и я, взяв парня за руку, уже без лишних слов, повёл к остановке на противоположной стороне улицы.

В. Золотаревский _____

По дороге молодой человек несколько раз оглядывался на Таню, интуитивно ощущая, как много она могла бы ещё ему рассказать.

Февраль, 2023 год

Без меня

*Без меня тебе, любимая
Земля мала, как остров
Без меня тебе, любимая
Лететь с одним крылом
Ты держись, моя любимая
Хоть это так не просто
Одолеешь всё, любимая
Словно вновь вдвоём.*

(Покусился на святое. Посмел слегка переделать поэтические строчки самого Ильи Резника).

Без меня. Казалось бы, такие простые слова. Но какие же это по сути своей трагические слова! Как вообще такое возможно. 62 года со мной и вдруг, нате вам, сюрпри-и-и-з – **без меня.** Однако эти простые, хотя и трагические, слова, как ни странно, меня совершенно не пугают. Я не стану кривить душой, слова эти безусловно огорчают и заставляют задуматься об очень многих жизненных коллизиях и перипетиях. Жена любит говорить обо мне: «Старик у меня

министр как по внешним, так и по внутренним связям». Даю подсказку. Речь идёт о моей жене. Тем самым она ненавязчиво намекает, что по праву занимает пост главы семейного правительства. Я же с удовольствием уступаю бразды правления этой умной, мужественной и красивой женщине. Сам же продолжаю на протяжении многих лет, как сказал поэт, решать «походя мелочь дел».

Нескончаемый список этих мелочных дел,

учитывая наличие полного отсутствия хотя бы относительно приличного немецкого языка, порой превращался в муку мученическую, которую так или иначе приходилось преодолевать. Первые годы пребывания в Германии нас забрасывали письмами различные представители немецкой бюрократии. Мы получали депеши из социального ведомства и биржи труда, из жилищного управления и даже из офиса по делам иностранцев. В сути каждого письма нужно было разобраться и ответить в течении 10 дней (таковы правила этой чиновничьей игры). Всякий раз, открывая дрожащими руками почтовый ящик, я ощущал состояние, напоминающее предсмертные судороги. Но я говорил себе – надо, дружище, надо. А теперь... А теперь это всё может происходить *без меня!*.. Нет уж, буду держаться сколько возможно.

Расскажу об одном эпизоде, потребовавшем от меня оформления чёртовой прорвы никому не нужных, как впоследствии оказалось, бумажек. В 1996 году моя добрая знакомая, позвонила мне и сказала, что русская редакция радиостанции «Немецкая волна» объявила конкурс на почасовую дикторскую работу. Она предложила пойти поучаствовать в этом кастинге. Совершенно не веря в успешность затеи, я тем не менее пошёл. В результате меня взяли. Профпригодность конкурсантов определяла звукорежиссёр, милая молодая женщина, которой понравился тембр моего голоса, хотя и несколько смущал изредка пробивающийся украинский акцент. Мне удалось продержаться около двух лет, пока её девственные уши окончательно не отказались терпеть мои украинизмы. Эта работа щедро оплачивалась, если бы не одна незначительная деталь. Так как я был получателем социальной помощи, мне приходилось об этих заработках сообщать в социальное ведомство, которое с огромной радостью у меня их полностью отбирало. Много лет спустя, когда я подобрался к пенсионному возрасту, теперь уже пенсионная служба как следует попила моей кровушки. Пришлось оформлять огромное множество всевозможных документов (на это ушло два месяца), чтобы в конце концов мне была начислена пенсия в размере 18 евро

и 23 центов, которую по её очевидной малости никто не собирался мне выплачивать. Зато все были при деле: служащие вели со мной пустопорожнюю переписку, а их компьютеры работали в режиме нон-стоп. В результате на свет появился ворох бумажек, как свидетельство «бурной» плодотворной деятельности размножившегося без всякой меры чиновничества. Эпизод, конечно, любопытный, но формула *без меня* в данном случае не совсем корректна. Прямо скажем – вообще ни при чём.

Каждый год социальное ведомство требует от нас отчёт об имущественном уровне нашей семьи. Дескать, не стали ли мы за истекший год «владельцами заводов, газет, пароходов».

Если же подобное, паче чаяния, вдруг всё-таки произошло, тогда нас немедленно лишат социальной поддержки, оставив на попечение гудков этих самых заводов и пароходов. Отчёт состоит из трёх обязательных документов. Первый – это присланный имущественный формуляр, в котором следует заполнить все строчки и подписать, что должно подтверждать чистоту наших помыслов и экономическую безгрешность перед приютившим тебя государством. Вторым документом является копия расчётов о ежемесячных социальных выплатах, которые присылает нам (если стоите, то присядьте) всё тоже социальное ведомство, которое их же и запрашивает. Зато все при деле – безработица не угрожает. И наконец, третий документ – свидетельство об аренде квартиры (по-немецки – митбешайнигунг), которое должен заполнять владелец дома. Вот тут-то и происходит самое интересное. Владельцем нашей квартиры является некий господин Н., живущий в соседнем городе.

Надо сказать прямо – странный господин. Пока была жива его матушка, она безропотно и весьма аккуратно вела все необходимые дела по дому, оформляя в том числе и эти самые митбешайнигунги. Но, как известно, ничто не вечно под сиянием лунным, и госпожа Н. лет шесть назад ушла, как говорится, в мир иной. С тех пор мне так и не удавалось заставить господина Н. оформить хотя бы раз митбешайнигунг. С одной стороны я получал угрозы от социального ведомства о том, что при отсутствии оформленного митбешайнигунга нам перестанут выплачивать ежемесячное социальное пособие, а с другой стороны – становилось совершенно ясно, что господин Н. этим заниматься не будет. Не помогло ни обращение к адвокату, который написал ему устрашающее письмо, предписывающее исполнить требование городских социальных органов; ни мой визит к нему с незаполненным формуляром. Он с застенчивой улыбкой на небритом лице клятвенно заверил меня, что завтра же всё сделает и вышлет. Ага. Всё бросит и станет заниматься только моим формуляром. Ждём и по сей день. Разрешилась эта проблема, в конце концов, тем, что социальный работник, курирующая дела нашей семьи, убедившись в необъяснимой странности господина Н., проявив несвойственные чиновникам сочувствие и гуманизм, стала принимать отчёты без этого документа. А случись всё это **без меня**. Как говаривала когда-то наша домработница: «Краше в Днепр» (укр.). Нет, **без меня** никак.

Как и положено, все технические вопросы и проблемы решаю я. Ясный перец – дело мужское. Руки у меня, надо сказать, растут откуда нужно. Поэтому по дому, начиная от гвоздя и заканчивая, скажем, прочисткой труб в засорившейся сантехнике, это всё, разумеется, за мной. А предположить **без меня** – даже страшно подумать. Кого-то просить, впускать в дом чужого человека, что-то платить. Всё это достаточно неприятно. Нет, **без меня** никак.

Особую область, связанную с моим рукоприкладством на основе какого ни есть, а всё же инженерного опыта, составляет ввод в эксплуатацию и настройка бесчисленного множества бытовых приборов, или как их сейчас называют то

ли девайсами (красиво), то ли гаджетами (некрасиво). Вся квартира уставлена плодами технического прогресса. Тут и пылесосы двух видов (для сухой и влажной уборки), ресиверы, телефоны, миксеры, разного рода светильники, телевизоры и разнообразные виды компьютеров. Комнаты до предела напичканы этой техникой (понятное дело: новые – в работе, а старые – жалко выбросить). И каждый что-то потихоньку излучает. Ни запаха, ни вкуса и почти бесшумно. А потому тревожно. Но об этом – другим разом. Наибольшее разнообразие царит в технике, воспроизводящей музыку. Всей своей жизнью я стал свидетелем эволюции, точнее будет сказать революции, в этой области. За какие-то 80 лет, отталкивая друг друга, заполняла полки магазинов удивительная череда новых всё более и более совершенных звуковоспроизводящих приборов. Патефоны, электропроигрыватели, магнитофоны, плееры, кассетники, смартфоны, телевизоры смарт и различные виды компьютеров. И всё это сопровождалось подробнейшими многостраничными инструкциями по эксплуатации, написанными преимущественно на почти незнакомом языке. Обложившись словарями, я часами корпел над их переводами. И всё же, невзирая на её отчаянное сопротивление, техника сдавалась и начинала функционировать. Иногда, правда, приходилось обращаться за помощью к более продвинутым товари-

щам. А что было делать? Правда Жена, нужно отдать ей должное, терпеливо ожидала результата. А теперь, если всё это или подобное этому будет без меня. Даже думать об этом не хочется. По схеме известного израильского

анекдота: «Хоть тушкой, хоть чучелом, но останусь рядом».

Не менее любопытным, на мой взгляд, являются взаимоотношения Жены с телефонами. Все средства связи из прошлой жизни были освоены ею без особых трудностей. Она легко покорила уличные телефоны-автоматы и настольные дисковые и кнопочные аппараты. Тут проблем не возникло. Однако техническая мысль рвалась неуклонно вперёд. В обиходе стали появляться мобильные телефоны сотовой связи, возможности которых с каждым годом расширялись всё больше и больше. Жену это сразу насторожило. А тут додумались ещё и расширить функции стационарных телефонов. Их оснастили автоответчиками, регистраторами звонков, телефонными книгами, и многим другим. Не мудрено, что кое у кого голова пошла кругом. Когда же появились ещё и смартфоны терпению Жены пришёл конец. Выяснилось, что она категорически отказалась принимать молниеносные успехи технического прогресса, хотя иногда и восхищалась ими. Набрав в лёгкие побольше воздуха, Жена решительно заявила: «Всё. С меня довольно! Никаких смартфонов и прочих разнофонов! Мне же почти никто не звонит. Мне не нужен никакой ВАЦАП. Я никого не буду вацапать, и меня пусть не цапают. Купи мне самый простой мобильник, по которому я смогу звонить тебе, а ты – мне». Будущее показало, что Жена несколько погорячилась. Мы действительно купили простейший телефон-раскладушку, но желание у неё позвонить по нему мне возникало крайне редко. Когда же звонил я, то Жена чаще всего не слышала моего звонка, поскольку телефон ввиду своих малых размеров обычно забирался на дно необъятной дамской сумки.

Однако хотелось бы быть справедливым. Не всё так безнадежно. Жена с удивительной лёгкостью давно освоила эксплуатационные возможности зонтика-автомата. Хотя и тут не всё как у людей. Она убедилась в том, что зонтик каким-то образом ограничивает её свободу. С тех пор она (прошу заметить – добровольно) неоднократно промокала под дождём до нитки. А ещё она без малейших трудностей управляется со всей кухонной техникой. А тут, доложу я вам, есть, что осваивать: и радиола, и миксер, и тостер,

и наша гордость – кофе-автомат «De'Longhi». Все эти приборы без особого сопротивления сдались на милость победителя. И всё же за мной Жена оставила чистку и промывание кофе-автомата. Я по достоинству оценил этот её жест доброй воли. Да, едва не забыл. Использование стиральной машины тоже происходит без моего участия.

Обычно Жена с большим трудом переносит любые виды внешнего общения. С годами эта особенность только усиливалась. Это касалось как знакомства с новыми людьми, так и поддержания добрых приятельских отношений с уже давними знакомыми. Без ложной скромности скажу, что главным образом благодаря мне мы всё-таки не остались в гордом одиночестве. И это вовсе не потому, что у Жены какой-то неуживчивый характер или она отличается особым человеконенавистничеством. Вовсе нет. Если же отношения всё же удавалось создать, пусть и не благодаря, а скорее вопреки, то более душевного, милосердного и надёжного друга чем моя Жена было не сыскать. Вот уже лет десять как у нас склотилась дружная компания зрелой возрастной категории от 65 до 85. Мы все разные, но по закону «Единства и борьбы противоположностей» взаимно интересны и приятны друг другу. Я всячески стараюсь поддерживать огонёк наших отношений. И здесь я совершенно уверен, что даже **без меня** всё останется на прежнем уровне.

Много лет назад мы с Женой определили наши сферы влияния по семейной телефонной книге. Мы по братски поделили наших ближних и дальних телефонных адресатов. В результате предполагаемой справедливой делёжки за Женой были закреплены трое – брат в Киеве, племянник в Шотландии и подруга в Америке. Все остальные, как русско- так и немецкоговорящие остались за мной. А теперь представьте себе – **без меня**. Прямая дорога к стрессу, к антидепрессантам и снотворным. «Нет весь я не умру» – писал поэт. Вот и я уверен, что какая-то часть меня должна остаться, чтобы по-прежнему регулировать эти процессы.

И всё же, понимая, что рано или поздно, как бы я этому не сопротивлялся, ситуация **без меня** может наступить, я стал ненавязчиво предлагать моей дорогой Жене пройти

краткий курс управления некоторыми особо сопротивляющимися эксплуатационным навыкам приборами. К моему удивлению она безропотно согласилась. Я подробно рассказывал обо всём, что считал нужным и важным, а Жена терпеливо записывала с моих слов. Поначалу мы освоили незнакомые прежде функции стационарного телефона. Особенно трудно давалась возможность определения звонившего в наше отсутствие, о чём свидетельствовал мигающий красный огонёк. Но не такие трудности приходилось преодолевать. Справились и с этим. Куда сложнее оказалось освоить возможности нашего телевизора Смарт ТВ, часть каналов которого воспроизводят картинку от тарелки, часть – от ресивера, а большинство – по договору с международной фирмой «NOVOE TV». Кроме того он имеет клавишу YOUTUBE, нажав которую можно найти всё или почти всё. Тут, как говорится, без бутылки не разобратся. Когда же я закончил диктовать эти простейшие, на мой взгляд, правила пользования нашим телевизором, взглянув в глаза Жены, ужаснулся. В них было столько неподдельного страдания, что я без подсказки понял: пора завязывать. И всё же, как мне показалось, она смогла обойтись без вспомогательных средств, во всём разобравшись, а нужное старательно записав. Теперь меня стала беспокоить лишь одна мысль – если всё-таки настанет час *без меня*, сможет ли она вспомнить, куда записала продиктованные мною инструкции.

Закончить этот опус я хотел бы, исключительно справедливости ради, гимном в честь моей дорогой Жены. Только с её помощью я могу отыскать в квартире нужную мне вещь. Не было бы, скажем, такой возможности, я носил бы круглый год одну и ту же одежду. А это, вы сами понимаете, не комильфо. А холодильник – это вообще моё больное место. Отыскать в нём что-либо мне помогает лишь случайный случай или Жена. Никто лучше неё не ориентируется в магазинах. Её мозг, как безотказный компьютер, мгновенно оценивает информацию о предлагаемых продуктах, сравнивая сроки изготовления, цены и фирмы-изготовители. Кроме того, я утверждаю, что Жена является королевой

ангелотов. Как к ней попадают сведения о том, где, когда и на какие продукты будет снижение цены, «это науке не известно». То ли она внимательно изучает различные рекламные буклеты, то ли людская молва, как волна прилива, приносит эту информацию. И всё же, как известно, даже на солнце есть пятна. Просто хочу по-дружески предупредить. Если паче чаяния разговор ненароком зайдёт о книгах, тут Жена проявится во всей своей красе. Здесь она – профи. Вы получите самую квалифицированную консультацию по широкому спектру литературы, вышедшей за последнее время. Она читает много и основательно, прекрасно запоминая всё прочитанное. Она помнит не только название книги и имя автора, но и подробности сюжетной линии. В данной ситуации память, как ни странно, сбоя не даёт. Вам же остаётся с благодарностью покорно следовать проложенным ею путём. Я мог бы продолжить перечень положительных черт моей Жены, которым, признаюсь несть числа, но не стану более злоупотреблять вашим терпением. Добавлю лишь, что всё это останется при ней и *без меня*. И это меня радует, хотя торопиться не буду.

Март, 2023 год

Ни в одном глазу

Начало этой истории уходит ещё в середину 90-х годов прошлого века. Написав такую казалось бы невинную фразу, я поразился. Так долго живу, что с лёгкостью уже могу оперировать столь серьёзными временными категориями. По приезду в Германию мы, очертя голову, бросились осваивать сразу по всем направлениям азы иммигрантской жизни. Бесспорно фактор здоровья был приоритетным. Учитывая нашу языковую беспомощность, перво-наперво мы занялись поиском русскоговорящих врачей. Так я и попал на приём к офтальмологу ныне покойной фрау Флик, которая к моему удивлению обнаружила у меня начальную стадию глаукомы. В Германии глаукома имеет весьма романтическое название «Grüner Star», что в переводе на русский язык означает «зелёная звезда». Позднее я узнал, что при этом заболевании зрачок, расширяясь, приобретает зеленоватый оттенок. К тому же привычное нашему уху название глаукома переводится с греческого, как «зеленая вода». Доктор даже с каким-то оттенком торжества сообщила, что у меня в обоих глазах давление 25 мм рт. ст., что превышает норму, а следовательно нуждается пока в консервативном лечении. Причём ключевым в этой фразе оказалось слово «пока». Правда, вся горечь понимания этого пришла много лет спустя. А пока доктор Флик прописала мне капли и посоветовала появляться у неё для контроля не реже одного раза в квартал.

Как человек дисциплинированный я старался строго придерживаться предписаний. Но годы шли неумолимо. Фрау Флик, как я уже упоминал, ушла в мир иной, и мне пришлось искать другого врача. Поскольку по-прежнему наш немецкий оставлял желать много лучшего, мы надеялись продолжать получать помощь от русскоговорящих специалистов. И нам повезло – кабинет, принадлежащий прежде фрау Флик, перешёл в руки тоже глазного врача господину Солтани (Dr. med K. Soltani), супруга которого некто Елена Лутфулина тоже оказалась офтальмологом, причём, как вы уже наверно успели догадаться – русскоязычной. Доктор Лутфулина в полном соответствии со своей аскетической внешностью держала пациентов в строгости,

демонстрируя всем своим видом, что с ней не забалуешь. Не позволяя ни пациентам, ни себе лишних слов, она с индифферентным выражением лица проводила необходимые процедуры, после чего без малейшего намёка на доброжелательность она тихим голосом выносила свой приговор. В случае со мной по её мнению ситуация с глаукомой не улучшалась. В результате к каплям от Флик добавились ещё и капли от Лутфулиной, которыми мне приходилось дважды в день орошать глаза.

Однако жизнь продолжала вносить свои коррективы. Буквально в пяти минутах ходьбы от нашего дома открылся филиал офтальмологического центра, в котором работала (да-да, именно так) тоже русскоговорящая врач – фрау Степанцова, в руки которой я отдал себя без колебаний. Решающим стал географический фактор. Если раньше, чтобы попасть к врачу, приходилось тратить приблизительно час своего «драгоценного» времени, используя при этом три вида транспорта, то теперь для визита к доктору нужно было, как говорится, только дорогу перейти. Но каково же было моё удивление, когда уже при первом знакомстве с фрау Степанцовой я убедился в её необъяснимом сходстве с фрау Лутфулиной. Тот же аскетизм во внешности, тот же минимализм в общении с пациентом, та же индифферентность в процессе обследования, что, к сожалению, в конце концов привело к тому, о чём пойдёт речь дальше. И всё же нужно отдать справедливость фрау Степанцовой, которой удалось, назначив дополнительно третий вид капель, оттянуть рекордные показатели внутриглазного давления (ВГД), приведшие в итоге к катастрофе. Да, капельные медикаментозные усилия триумвирата моих глазных врачей позволили многие годы удерживать моё ВГД в рамках допустимой нормы. Однако, мне кажется, что доктор Степанцова, которую я тоже аккуратно посещал раз в три месяца, должна была обнаружить надвигающийся кризис и предпринять для его предотвращения необходимые решительные меры, не ограничиваясь лишь выпиской рецептов на глазные капли. Впрочем кто знает...

В начале марта этого года Танюша стала бить тревогу.

Она утверждала, что мои глаза резко покраснели, что это опасный симптом, а потому нужно срочно обратиться к врачу. Я по привычке, как обычно, отбивался, пока не почувствовал неприятное жжение в обоих глазах. Это случилось в субботу, когда Таня трудилась в своей библиотеке. По её возвращению я робко пожаловался на свои новые ощущения. Ночью добавились ещё и боли. Утром на семейном совете было решено посоветоваться с нашим молодым другом – Мишей Зетелем. Он, будучи профессиональным музыкантом (пианистом), обладал ещё и немалыми познаниями в области бытовой медицины. В частности ему уже приходилось сталкиваться и с глазными проблемами. У его папы, знаменитого музыканта и педагога проф. Исаака Зетеля, тоже была глаукома. Уловив буквально по первым моим фразам суть проблемы, Миша со свойственной ему решительностью произнёс в телеграфном стиле: «Через полчаса я за вами заеду. Будьте готовы. Поедем в больницу. Возражения не принимаются». Я стал покорно надевать штаны. С этого момента и начались мои хождения по мукам.

Уже через час мы оказались в приёмной глазного отделения Клиники Святой Елизаветы. Поскольку было воскресенье, то приём вёл лишь один дежурный врач – спортивного вида молодой человек приятной наружности с ещё до сих пор модной трёхдневной щетиной на лице. Миша, свободно владеющий немецким языком, стал подробно рассказывать о моих ощущениях. Всё это время сидящий к нам спиной доктор заносил получаемую информацию в компьютер, весело щёлкая пальцами обеих рук по клавиатуре. Завершив эту обязательную процедуру, он спросил, указав на висящую на стене таблицу: «Какой уровень боли Вы испытываете?». Цифры от 0 до 10 на настенной диаграмме иллюстрировались забавными рожицами – от весело смеющейся до рыдающей горькими слезами. Несколько оторопев поначалу от такого формализма в оценке состояния, я всё же решил остановиться на физиономии с перекошенным ртом, что соответствовало цифре 8.

После этого доктор обстоятельно обследовал мои глаза

на ряде загадочного вида аппаратов и наконец произнёс: «У Вас очень высокое внутриглазное давление. Без операции не обойтись». При этом он объяснил, что подобные острые приступы глаукомы требуют неотложного снижения ВГД либо медикаментозным, либо хирургическим путем. В противном случае (а случай действительно мог оказаться достаточно противным) это может привести к необратимым потерям зрения. Поскольку в выходной день срок операции определить было невозможно, доктор дал некие таблетки, которые должны будут поддерживать ВГД на допустимом уровне все оставшиеся до операции дни.

В понедельник утром всё тот же неудержимый Миша был уже снова в больнице, где договорился о ближайшем сроке операции. Поутру несколько дней спустя я в сопровождении Тани поднялся лифтом на пятый этаж Клиники Святой Елизаветы, где и размещалось глазное отделение. Процесс «прописки» продлился не более 15 минут. Мне была выделена кровать в трёхместной палате у двери возле трёхстворчатого шкафа. Почему-то тут же припомнилась знаменитая фраза из кинофильма «Джентльмены удачи» – «Ваше место возле параша». Мои потенциальные соседи, лежащие на двух других кроватях, не проявили ко мне ни малейшего интереса. Впрочем, тут нет ничего удивительного – пациенту больницы и без того всегда есть о чём

поразмышлять. При помощи Тани я разместил свой нехитрый скарб в отведенной мне секции шкафа и на полочке в сверкающем ослепительной чистотой палатном туалете. Закончив с обустройством, мы с Танюшей перешли в так называемую комнату ожидания, где можно было, удобно расположившись, выпить вполне приличный кофе из автомата, чем мы и не преминули воспользоваться. Однако я не смог долго выдерживать Танин скорбно-сочувствующий взгляд и отправил её домой. Вскоре после обеда, а его приносят уже в 11-30, меня пригласили на «синюю скамейку», где следовало смиренно ожидать вызова на очередной осмотр к врачу. В последствии выяснилось, что «синяя скамейка» является самым популярным местом этой глазной

клиники.

Уже в кабинете меня встретила изящная блондинка средних лет, единственной заметной деталью внешности которой были маленькие очки в золотёной оправе. Представившись (это была старший врач доктор Беккер), она с трудом, спотыкаясь на каждом слогe, произнесла мою фамилию и сообщила, что будет моим оперирующим хирургом, что операция назначена на завтра, и что с самого утра я не должен ни есть, ни пить. Кое как осознав сказанное, я попросил разрешения связать её по телефону с моим племянником

(так Миша стал не только нашим другом, но и близким родственником), чтобы он помог разобраться в сути

предстоящей операции. Не скрывая своего недовольства, фрау Беккер всё же согласилась. В результате выяснилось, что мне в левый глаз будет имплантирован дренажный стент, который должен обеспечить необходимый отток внутриглазной жидкости, что в свою очередь позволит снизить ВГД. Услышав это, моя разыгравшаяся фантазия живо представила глаз с выхлопной трубой, изрыгающей ту самую внутриглазную жидкость.

Здесь хотелось бы заметить, что в дальнейшем все ответственные переговоры с медицинским персоналом, начиная от дежурной сестры и заканчивая руководителем глазной клиники профессором Эшером, проводил всё тот же Миша, проявляя при этом поразительную находчивость, деликатную доброжелательность и ангельское терпение.

Ближе к вечеру меня отвели к анестезиологу, который объяснил, что операция, дабы избежать каких-либо непредвиденных движений моего организма, будет проводиться под общим наркозом. Далее последовало интервью, состоящее из множества стандартных вопросов, на которые мои ответы позволяли анестезиологу обрести уверенность в том, что от меня во время операции можно не ожидать никаких сюрпризов. Затем он дал мне подписать бумагу, в которой я заверял, что чтобы ни случилось, во всём буду виноват я сам. Кому-то подобное может показаться странным, но, к сожалению, дальнейшие события это подтвердили.

После ужина меня вновь вызвали на «синюю скамью», чтобышний раз убедиться, что доктор, принявший решение, как в фильме «Покровские ворота» – «Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонита» (в моём случае – слепоты), был абсолютно прав. ВГД едва ли не в три раза превосходило допустимую норму. С этим я и отправился назад в своё лежбище. Вечером совершенно неожиданно появилась Таня. Мне это доставило огромное удовольствие, хотя было очень её жаль. Всё-таки не ближний свет – добираться сюда нужно через весь город тремя видами транспорта. Проводив Танюшу, я, вернувшись в палату, застал моих сопалатников спящими, хотя ещё не было и девяти часов. Пришлось укладываться и мне. Ночь прошла

относительно спокойно. Если не обращать внимание на разнообразные звуки, раздававшиеся из недр соседних кроватей, от громогласного храпа до рулад беззастенчивых газовых атак. Когда всё-таки, не взирая на вышесказанное, мне удалось заснуть, в палату вошла дежурная сестра (для сведения – это происходило еженощно), зажгла свет и задала стандартный вопрос: «Alles gut?» (Всё хорошо?). Хорошо то хорошо, но зачем же будить посреди ночи... А в 7 утра, в соответствии с раз и навсегда установленным режимом, меня ждала «синяя скамья», чтобы очередной раз проконтролировать ВГД. А уже в 8 утра я был подвергнут более детальному осмотру старшим врачом. После чего, вернувшись к себе в палату, я занял горизонтальное положение в ожидании приглашения в операционную.

Около 11-00 в палату, оживлённо переговариваясь, вошли две молоденькие сестрички. Они предложили мне сбросить одежды, оставив на себе лишь трусы и носки. Можете вообразить, сколь соблазнительное зрелище я собою представлял. Правда, недолго. Взамен я получил балахон-распашонку с завязками на спине. По их же рекомендации все ценные вещи, включая зубные протезы (если они есть), следовало положить в мини-сейф, схороненный в секции шкафа, а ключ от него спрятать в наволочку думки. Затем меня уложили в кровать, и мой экипаж мощностью в две сестринские силы тронулся в путь. Почему-то мне припомнилось гагаринское «Поехали!», хотя эта процессия никакого оптимизма не вызывала, напоминая скорее некий траурный кортеж. Проезжая по больничному коридору, я невольно ловил на себе жалостливые и даже скорбные взгляды проходящих мимо. Спустившись лифтом, моя больничная карета попала в стерильные чертоги операционного блока.

Тут же ко мне подошла «женщина в белом» (не могу избавиться от ассоциаций). Она излишне бодрым голосом попросила меня назвать имя, фамилию, дату рождения и, что меня особенно удивило, причину моего здесь появления. Убедившись в адекватности моих ответов, она с нескрываемой надеждой спросила, смогу ли я самостоятельно перелечь на стоящий рядом передвижной операционный стол.

Я успешно справился и с этой задачей. Затем операционная сестра, а это была именно она, установила на кисти моей левой руки канюлю и пригласила анестезиолога. Ко мне подошёл небольшого роста пожилой человек, представился, сказав, что он будет обеспечивать обезболивание во время предстоящей операции. Он что-то тихим голосом произнёс стоящей рядом операционной сестре, которая тут же начала вводить мне через установленную канюлю какую-то жидкость. Сам же анестезиолог, прижав к моей расслабленной физиономии мягкий резиновый раструб, венчающий змееподобный шланг, попросил меня глубоко дышать. Быстро надышавшись закисью азота (веселящий газ), я, правда, не успев развеселиться, улетел в бессознанию. Очнувшись, я обнаружил себя лежащим в своей кровати с повязкой на глазу.

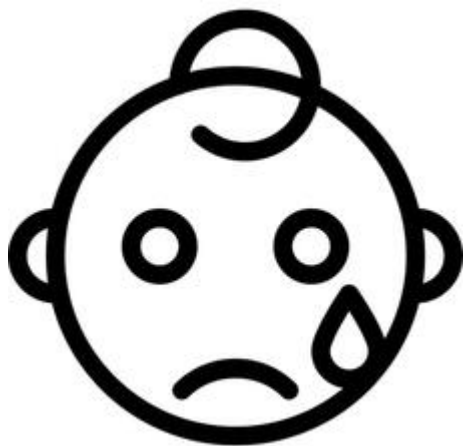
Рядом, переминаясь с ноги на ногу, стояли в ожидании моего пробуждения те самые сестрички, доставившие меня сюда. Возвращение в палату прошло без особенностей, если не учитывать моего слегка затуманенного сознания. Одна из сестричек строгим голосом велела мне по крайней мере ещё час не вставать с кровати. Но я смог выдержать едва ли более 15 минут. Пошатываясь, но держась за спинку кровати, я добрался до сейфа, из которого

извлёк всё ранее схороненное там, и прежде всего телефон, чтобы сообщить Танюше о моём благополучном возвращении к жизни. Своим звонком я застал её уже на пути в больницу. Мы обнялись как-то неожиданно пылко, как бы

знаменуя тем самым, что жизнь продолжается. Об этом же я сообщил своему куратору – «племяннику» Мише, приняв от него сердечные поздравления. С Таней мы проговорили до вечера, благо обоих моих сопалатников выписали ещё до обеда.

Ночь прошла относительно спокойно, а рано утром я был разбужен медбратом, который освободил меня от повязки на глазу, протерев его влажным тампоном с немужской нежностью, и что-то ещё капнул в него. Выходя из палаты, он почти мурлыча, произнёс: «Это очень хорошие капли. Мы их будем Вам капать 5 раз в день». А дальше

день покатился, как пассажирский поезд, со всеми остановками. Утренний осмотр, завтрак, второй утренний осмотр, обед, закапывания, ужин и вечерний осмотр. Лишь неожиданный визит старшего врача фрау Беккер нарушил давно установленный распорядок. Она просто, как мне показалось, зашла поинтересоваться моим самочувствием. Я её не огорчил. А утром, как и ожидалось, мне дали вольную. Пока я собирал свои пожитки в ожидании письма нашему семейному врачу с отчётом больницы о проделанной работе, Таня уже успела добраться, чтобы без осложнений доставить меня домой.

О чём это он, подумаете вы? Дело в том, что проведенная операция была не столь безобидной, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, говоря простым языком, мне в глаз внедрили, пусть из самых благородных побуждений, чужеродный предмет (дренажный стент), а во-вторых, любая операция – это рана, которая требует определённого времени на заживление. И действительно первые дни прооперированный глаз мне не давал покоя. Было ощущение,

будто в глаз что-то попало. Я невольно делал попытку его протереть, но становилось только хуже. Несколько дней спустя, я проснулся среди ночи от боли в глазу. По рекомендации больничных врачей я принял обезболивающее и стал ждать. Но боль только нарастала. Пришлось разбудить Таню, и мы, оценив создавшуюся ситуацию, вызвали такси и отправились в больницу.

Там нас принял уже знакомый по первому визиту дежурный врач, который перво-наперво померил ВГД при помощи инфракрасного тонометра. Результат встревожил не только меня. Спустя полчаса я уже осваивал очередную больничную койку. Утром состоялся собранный на скорую руку консилиум, на котором было установлено, что имплантированный стент попросту забился, и потребуются повторная операция, чтобы его прочистить. Дальше всё покатило по уже известному маршруту. Накануне – анестезиолог, утро – натошак, транспортировка на кровати, множество предоперационных вопросов и, наконец, сама операция. Позднее при помощи всё того же Миши мне объяснили, что стент был забит белковой массой, которая чересчур интенсивно продуцируется моим нестандартным организмом. Вы, я надеюсь не забыли, что нечто подобное я предвидел. Тогда я осмелился предположить, что если не всё пойдёт по намеченному плану, то виновным окажусь именно я. В данном случае – мой организм.

Удивительным образом всё повторилось. И все уже известные мне этапы трёхдневного пребывания в больнице, и относительно терпимый недельный послеоперационный период. Но, опять это чёртово «но». Повторилась вновь и неожиданно нагрянувшая нестерпимая головная боль в районе прооперированного глаза. Имея уже предыдущий опыт, я бросился к ближайшему главному врачу, чтобы в очередной раз удостовериться в коварстве глаукомы. ВГД в обоих глазах значительно превышало допустимые значения. Как поётся в известной песне, созданной почти 100 лет назад Сурковым и Покрассом, «Были сборы недолги...». Уже через час мы восседали на хорошо знакомой «синей скамье». Вот такое дежавю. Проведя необходимые обследования моего

горемычного левого глаза, было решено удалить якобы тщательно прочищенный стент, заменив его таким же, но новым. Сказано – сделано. На сей раз за эту тонкую работу взялся другой старший врач – доктор Берк. Почему произошла смена исполнителей, сказать трудно. Впрочем, это их внутренняя кухня. Не стану утомлять подробностями, связанными с этой уже третьей попыткой утихомирить мою не на шутку разыгравшуюся глаукому, скажу лишь, что не прошло буквально и нескольких дней, как я с искажённым от боли лицом вновь оказался в комнате ожидания ставшей уже для меня родной глазной клиники. Пока я ждал приёма сюда успел подъехать всё тот же Миша – дай

Б-г ему здоровья! На сей раз консилиум возглавил сам профессор Эшер. Выводы мало чем отличались от предыдущего. Вновь мой организм подложил моим хирургам (а заодно и мне) подлянку, забив своими неуправляемыми белками свежий недавно установленный стент. Профессор заверил, что остался единственный путь – имплантировать в мой многострадальный глаз дренажный стент максимального диаметра, и сделает это он сам – лично. Когда Миша обрисовал предстоящую перспективу на доступном мне языке, я дал волю своей фантазии, представив себе, что у меня через весь глаз будет проложена некая водосточная труба, которая сможет отрегулировать ВГД. Однако фантазии отступают перед надвигающейся реальностью. Операция была назначена на завтра. Не стану на сей раз повторяться, описывая предоперационную подготовку. Она ничем не отличалась от трёх предыдущих. Расскажу лишь о контрольном визите профессора Эшера на следующий день. Он внимательно обследовал мои глаза и, проанализировав им содеянное, остался собой (а заодно и мной) доволен. К тому же, учитывая чересчур высокое давление в нетронутом до сих пор правом глазу, он «признался», что сделал в нём так называемую лазерную корректировку. И действительно, теперь в обоих глазах замер ВГД показал значения близкие к нижнему пределу допустимой нормы. Я с трудом сдерживал ликование. И правильно делал, как показало ближайшее будущее. И не надо вздыхать. Да-да, не

надо. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Так и у меня.

Не прошло вновь и недели, как ещё пуще прежнего сбесился мой теперь уже правый глаз. Если бы кто-нибудь только знал, как я себе надоел! Сколько же ещё будут длиться мои страдания... Уже два месяца с небольшими паузами продолжается эта пытка. И снова нужно ехать в больницу, где меня уже встречают, как родного. Даже не заглядывая в историю болезни, почти все научились без запинки произносить мою фамилию. Да и я уже воспринимаю всё происходящее вокруг меня, как матёрый рецидивист после третьей ходки. Привычная камера (пардон – палата), удобные нары (пардон – кровать) и казённая роба (балахон-распашонка). Операция и в этот раз по их мнению прошла успешно. И действительно внутриглазное давление в обоих глазах пришло в норму. Для любителей статистики лишь напомним. Я перенёс четыре операции на левом глазу и две на правом. Невольно на ум приходит парадоксальная мысль – хорошо, что у человека всего два глаза. И всё же по-прежнему я не могу читать, полноценно пользоваться компьютером и смартфоном, с трудом смотрю телевизор. Единственное, что мне сейчас доступно это аудиокниги. Но и тут не всё так просто – уже через 10-15 минут прослушивания я засыпаю прямо с наушниками в ушах.

Врачи единодушно утверждают, что нужно потерпеть, и станет лучше. Мне лишь не даёт покоя вопрос, что они подразумевают под словом «лучше». Они назначили мне контрольное обследование через два месяца. Из чего я делаю вывод, что я им тоже изрядно надоел.

Июнь, 2023 год

Кёнигсвинтер
Неожиданная прогулка

Такое впечатление, что лето 2023 года в Кёльне намеревается побить все мыслимые и немыслимые температурные рекорды. Длительная жара, обрушившаяся в июне на Европу не оставила в стороне и Кёльн. Разгорячившиеся термометры всё чаще и чаще показывали температуру, превышающую отметку в 30 градусов. Для нас, живущих в небольшом шестиквартирном доме, это особенно ощутимо. Оказалось достаточно и трёх жарких дней подряд, чтобы стены нашего жилища практически превращались в печку. Не спасал положения даже мобильный напольный охладитель воздуха «Air cooler», приобретенный тоже в жарком 2021 году. В знойные дни улицы напоминали раскалённые сковородки. Приходилось все дела, связанные с выходом из дома, осуществлять поутру, да и то мелкими перебежками с одной теневой стороны на другую. Долгосрочные прогнозы на июль тоже не вселяли оптимизма.

Поэтому неожиданно поступившее приглашение от нашей Общины на участие в парходной прогулке по Рейну мы восприняли с благодарностью и без особых размышлений. Впрочем, признаюсь честно, некоторые сомнения тоже были. Мы оба не очень любим долго находиться в замкнутом пространстве. А пароход – именно такое место. Как поётся в одной известной песне – «...не спрятаться, не скрыться». Кроме того, Таню ещё смущало большое количество незнакомых людей, с которыми как раз из-за ограниченности пространства волей-неволей придётся общаться. Это соображение мне удалось легко преодолеть, клятвенно пообещав моей благоверной, развлекать её по мере сил и возможностей на протяжении всего путешествия.

Накануне мне объяснили, что это мероприятие (так одним подобным словом можно свести на нет ожидаемое удовольствие от предстоящего) организовано для наиболее активных участников в общественной жизни Общины. К своему крайнему удивлению я уже не первый раз попадаю в число так называемых активистов, не приложив к этому ни малейших усилий. Разве что игрой в преферанс. Это напомнило мне действующий в недалёком прошлом советский принцип о наказании невиновных и награждении

непричастных. Короче, как я уже сказал, мы приняли приглашение с чувством искренней признательности..

Программа намеченной прогулки оказалась крайне незамысловатой. Мы поплывём на прогулочном пароходе до Кёнигсвинтера, там нам представляется возможность самостоятельно погулять в течение трёх часов, и тем же пароходом вернуться в Кёльн. Встречу назначили на 8 утра у хорошо известного (в основном женщинам) парфюмерного магазина «Дуглас», расположенного в центральном холле главного железнодорожного вокзала. Столь раннее время встречи предполагало соответственно и ранний подъём. Вынужден признаться, что, невзирая на возрастную бессоницу, с каждым годом просыпаться рано становится всё труднее и труднее. Поэтому мы доверились будильнику, который прозвенел, как и можно было ожидать, в 6 часов 15 минут. Прделав все необходимые утренние процедуры, мы ещё по старой привычке настрогали несколько дорожных бутербродов и отправились в путь. До места встречи добрались за 40 минут (автобус, трамвай и 15 минут пешего хода). У дверей «Дугласа» мы застали изрядную группу переминающихся с ноги на ногу людей, средний возраст которых давно перевалил за статистические нормы современной геронтологии. Так что нам без труда удалось вписаться в эту озабоченную туризмом возрастную категорию. Так и хотелось воскликнуть: «Ай да мы!».

За нами приглядывать на протяжении этого однодневного вояжа было поручено Полине – сотруднице Культурного центра Общины в Порце. Эта милая молодая женщина, используя лишь тихий голос, ласковую интонацию и нежную улыбку, легко справлялась с поставленной задачей. Лишь однажды, когда она, убедившись что все уже в сборе, объявила, что до пристани, где нас должен ожидать пароход, нужно пройти около 800 метров, раздался едва слышный ропот. Дескать, а нельзя ли было так организовать, чтобы пароход причалил прямо к одной из платформ вокзала. Хорошо, что налетевший ветер быстро рассеял это незначительное недовольство. Растянувшись по набережной имени Конрада Аденауэра в слегка прихрамывающую

вереницу, мы за полчаса всё-таки достигли цели. У причала стоял белоснежный двухпалубный речной трамвай, на борту которого прописными буквами стояло его название – **«Beethoven»**, что лично меня сразу настроило на романтический лад.

К моменту запуска у трапа собралось довольно много народа, который, судя по всему, тоже мечтал добраться до Кёнигсвинтера, для чего поначалу нужно было взять

приступом средство доставки. Галдёж стоял невообразимый. Звучала преимущественно немецкая речь. Наши вели себя весьма сдержанно, стараясь незаметно пробраться поближе к входу на трап. В собравшейся толпе особенно выделялись две группы уже немолодых, но ещё и не совсем старых женщин, которые оглашали пространство нарочито громким, сбивающимся на визг, смехом. Этим явно одиноким дамам очень хотелось, обратить на себя внимание. Но на мой взгляд это было, как говорится, покушение с негодными средствами. Наконец цепочка, преграждающая доступ на кораблик была сброшена, вся истомившаяся в ожидании многоголосая толпа ринулась занимать места. Я ступил на трап одним из последних. Тане повезло больше. Она была внесена людской волной, что позволило ей относительно безболезненно занять два оставшихся после интенсивного разбора места. В 9-30 наш круизный лайнер, задржав всем своим 50-метровым телом, отошёл от причала.

Народ несколько приутих, осваиваясь в новой обстановке. Однако это длилось недолго. В зал ворвались излучающие несокрушимую энергию официантки, всем своим видом лемонстрируя свою готовность выполнить любой пассажирский каприз. Но наших людей расшевелить было не так просто. Психология человека, получающего

социальное пособие, не позволяла разгуляться на широкую ногу. Большинство терпеливо ожидали тайного свидания со взятым из дому бутербродом. И у нас, как вы помните, «тоже с собой было». Максимум, что они смогли себе позволить, это заказать чашечку кофе или бутылочку минеральной воды. Танюша разошлась не на шутку – заказала и пиво, и воду. Зато аборигены... Тут, как говорится, «песня не о том». Зачем им уже в который раз любоваться этой рейнской идиллией... По всему видно, что они ввязались в туристическую историю лишь для того, чтобы в приятной обстановке и в хорошей компании сытно и вкусно поесть, не торопясь выпить несколько бокалов пива и погорланить, раскачиваясь из стороны в сторону, распевая известные народные песни. Здесь для официанток открывалось неограниченное поле деятельности.

Мы с Таней жадно всматриваемся в ландшафтное разнообразие рейнских берегов. Пароход движется очень медленно. Он старенький, ему трудно плыть против течения.

И я его не только понимаю, но и сочувствую. Зато эта неторопливость даёт нам возможность хорошенько разглядеть проплывающие мимо нас неповторимые пейзажные красоты и возвышающиеся над береговой зеленью контуры городских построек. Справедливости ради нужно сказать, что в основном эти здания своим архитектурным разнообразием не способны поразить наше воображение. Несколько оживляют общую картину возвышающиеся над крышами домов башни и шпили церквей. Наш речной трамвай, как и положено трамваю, движется со всеми остановками. Мы попеременно причаливаем к правобережным пристаням то Порца – самого большого района Кёльна, то буквально на минуту касаемся причалов в Цундорфе

и Тройсдорфе, чтобы забрать оттуда ещё 2-3 пассажиров. Но что действительно производит незабываемое впечатление, особенно на людей с хорошо развитым воображением, так это неожиданно открывшиеся нашему любознательному взору загадочные силуэты крупнейшего в Европе нефтеперерабатывающего завода. Создавалось ощущение, что перед нами открылась территория гигантского космодрома из неведомого научно-фантастического фильма.

Это зрелище, надо сказать, всё-таки вызвало у меня смешанные чувства. С одной стороны – восхищение перед человеческим гением, создавшим такое промышленное

чудо, а с другой стороны – тревогу за будущее всего того, что находится в опасной близости к подобному достижению современной технологии. Особенно, если понимать, что это гигантское предприятие находится едва ли не в самом густонаселённом месте Европы. Но лучше об этом глубоко не задумываться, а продолжать любоваться живой природой. Наше судно продолжает медленно, но верно двигаться дальше. Вот уже перед нами открылись одетые в изумрудную зелень холмы Зибенгебирге (Siebengebirge), что по-русски означает – Семигорье. Часть этих пологих склонов покрыты ухоженными виноградниками, обещающими порадовать нас знаменитыми рейнскими винами. Глядя на эту завораживающую красоту невольно вспомнился один из афоризмов Цицерона: «Нет ничего более упорядоченного, чем природа». Существует множество легенд, связанных с этимологией названия этого горного хребта. По одной из них течение Рейна в этом месте перекрывалось цепью холмов, которые преграждали доступ воды поселениям, расположенным в его долине. Тогда жители решили

подрядить семь великанов, чтобы удалить преграду. Когда работа была закончена, каждый из великанов очистил от налипшей земли свою лопату. Так и образовались эти семь холмов. Но жители Кёльна знают, что, если вскарабкаться на смотровые площадки Кёльского собора или так называемого «Кёльского треугольника» (башня высотой 103 метра, возвышающаяся над Дойцем), можно увидеть как раз семь этих разновысоких горных утёсов.

Зибенгебирге это тянущаяся вдоль правого берега Рейна невысокая горная гряда, одна из вершин которой (320,7 метра) как раз и является конечной целью нашего путешествия. Это – Драхенфельс (Drachenfels), что

в переводе означает – скала дракона. Её венчают руины одноимённого замка Драхенфельс, который был сооружён ещё в XII веке для защиты Кёльна от нападений с юга. В связи с этим мне хочется коротко поведать ещё одну байку, которая с большей или меньшей вероятностью объясняет происхождение названия Драхенфельс. Народные предания безоговорочно утверждают, что в незапамятные времена в пещере этой горы обитал страшный дракон-беспредельщик, который время от времени пожирал людей и скот из окрестных поселений. Это даже могло продолжаться и по сей день, если бы об этом не проведал великий воин Зигфрид, который согласно сказаниям о Нибелунгах совершил множество подвигов. Одним из его подвигов как раз и была победа над драконом. Прознав пароли и явки, он добрался до этого лютого зверя, сразился с ним и убил чудовище на глазах ликующей толпы поселян. Теперь от дракона, наводящего прежде на всех страх и ужас, оста-

лось только название скалы.

Мы плыли уже больше трёх часов, а до Кёнигсвинтера было ещё далековато. Даже за столами, где сидели немцы, стихло пение. Похоже они уже спели всё, что знали. Не повторяться же... И тут вдруг от стола соседнего с нами зазвучал сочный баритон, который затянул известную украинскую песню:

*Ніч яка місячна, зоряна, ясна,
Видно, хоч голки збирай.
Вийди кохана, працю зморена
Хоч на хвилиночку в гай.*

Её подхватили почти все сидящие за этим столом, используя даже многоголосие. Причём пели точно, не фальшивя, невзирая на отсутствие аккомпанемента. Оказалось, что за этим столом сидели хористы из вокального ансамбля Общины «Шолом». Это было приятно и даже трогательно, особенно учитывая сегодняшнюю ситуацию в Украине. Я дал себе слово, этой теме не касаться. Но и совсем молчать не могу. Поэтому лишь прокричу: «Будьте на веки прокляты все те и иже с ними, кто развязал эту братоубийственную войну!».

Однако наше плавание продолжалось с прежней неторопливостью, и тут я заметил, что меня что-то отвлекает от созерцания береговых красот. Это было чувство голода, что и не удивительно. Ведь после утреннего кофе прошло уже больше пяти часов. Бутерброды, мирно лежащие в сумке, не давали покоя. При этом я понимал, что Таня не одобрит, если я при всём честном народе стану есть прихваченную из дома снедь. Пришлось попросить официантку принести нам пару сандвичей. К моему удивлению нам в этом было отказано. Она объяснила, что всё заготовленное к завтраку уже съедено, что остались только горячие блюда. Но всё-таки она попытается что-то для нас сделать. Какая милая, подумал я! В ожидании спасительных сандвичей прошло ещё полчаса. За это время мы проплыли мимо Бонна в надежде, что когда-нибудь, невзирая на отчаянное сопротивление рейнского течения, мы всё же достигнем Кёнигсвинтера. И тут нам принесли два горячих хрустящих бутерброда

с сыром. Наши жизни были спасены! А те, что в сумке пусть ждут. Придёт время и мы до них доберёмся.

А пока гремите барабаны, звучите фанфары! Мы прибыли в Кёнигсвинтер. Позволю себе нарушить стройность (?) повествования небольшой справкой.

Кёнигсвинтер (Königswinter) – очень уютный небольшой тихий город, принадлежащий земле Северный Рейн-Вестфалии, с населением свыше 40 тысяч человек. Главными достопримечательностями города являются замок Драхенбург (Drachenburg), построенный в начале прошлого века, и, как я уже говорил, руины замка Драхенфельс, к которым можно добраться либо пешком (этот сказ, как вы понимаете, уже не про нас), либо на фуникулёре (Drachenbahn).

Сойдя с трапа на берег, мы оторвавшись от коллектива, отправились на поиски фуникулёра. Сам город нас не очень интересовал, поскольку бывали здесь неоднократно, и даже

однажды совершали восхождение к руинам замка Драхенфельс пешком.

Правда, это было 25 лет тому. На сей раз речь могла идти только о фуникулёре. Надо сказать, что Таня, обладая хорошей зрительной памятью и умением интуитивно ориентироваться даже на незнакомой местности, безошибочно вывела нас прямо ко входу на подъёмник. По дороге мы сделали две остановки. Сначала у красной телефонной будки, считающейся тоже одной из достопримечательностей города.

Сегодня она выполняет

роль уличной библиотеки с самообслуживанием. Внутри вместо таксофона стоят на полках книги. Шутки в сторону. Этот объект был установлен ещё в первой половине прошлого века. Рядом с ним стоит обыкновенная крашенная деревянная лавка, которая отныне тоже будет считаться достопримечательностью, поскольку именно на ней мы наконец разделались со своими бутербродами. Вторую вынужденную совсем короткую остановку мы сделали, повстречав двух оголодавших мужичков из нашей группы,

которые, как и мы, на виду у всего города уплетали свои бутерброды. Они стали что-то бормотать, как бы в своё оправдание, но нам-то это было совсем ни к чему, и мы, пожелав им приятного аппетита, отправились дальше.

Билет на фуникулёр стоил 12 евро, как видно чтобы хоть как-то компенсировать усилия по подъёму на такую высоту над уровнем моря. Для сравнения скажу, что

цена проезда на фуникулёре в Киеве составляет около 20 центов. Зато выйдя из кабины подъёмника на панорамную площадку, мы забыли обо всём. Отсюда открывался вид,

от которого просто захватывало дух и восторженно билось сердце. Перед нами простиралась дивной красоты долина Рейна, от которой не возможно было оторвать взгляд. Прозрачный воздух позволял даже разглядеть контуры взметнувшихся в небо башен Кёльнского собора. Нахлынувшие эмоции не позволяют в должной мере описать увиденное. Поэтому решил обратиться за помощью к великому англичанину – лорду Байрону, который вместе со своим героем Чайлд-Гарольдом побывал в этих местах, отразив впечатления об этом в романтической поэме «Паломничество Чайлд-Гарольда». Приведу лишь два отрывка в переводе Г. Шенгели .

*Над Рейном Драхенфельз вознесся,
Венчанный замком, в небосвод,
А у подножия утеса
Страна ликует и цветет.
Леса, поля, холмы и нивы
Дают вино, и хлеб, и мед,
И города глядят в извивы
Широкоструйных рейнских вод.*

*Вернемся к людям! Истина таится
В ее твореньях да еще в твоих,
Природа-мать. И там, где Рейн струится,
Тебя не может не воспеть мой стих.
Там средоточье всех красот земных.
Чайльд видит рощи, горы и долины,
Поля, холмы и виноград на них,
И замки, чьи угасли властелины,
Печали полные замшелые руины.*

Насладившись сказочным зрелищем, мы не без помощи всё того же фуникулёра

опустились в прямом и переносном смысле на землю. Памятуя «крейсерскую» скорость нашего лайнера, мы решили возвращаться домой, избегая привычную стадность, оторвавшись от коллектива, с помощью наземного транспорта.

Таня предложила ещё немного погулять по городу. Намного, правда, нас, точнее меня, не хватило. Во время этой короткой прогулки мы не встретили ни одного человека.

Очевидно его обитатели в отличие от нас были заняты делом, а возможно просто дома им значительно лучше. Зато к нашему удивлению мы в нескольких местах повстречались

с другими представителями семейства млекопитающих. То там, то здесь мы натыкались на скульптуры ослов в натуральную величину. Мы долго гадали, по какой такой причине город решил восполнить отсутствием на улицах людей этими милыми животными.

Как видите, я не смог отказать себе в удовольствии запечатлеть себя верхом на этом не современном транспорте. Тутто и пришла на память строчка из известного стихотворения С. Я. Маршак: «Старый осел молодого везет!». Смутила лишь возрастная путаница.

Июль, 2023 год

Будни

ПЕРВАЯ «БУДНЯ»

Долгие годы совместной жизни оставили заметный отпечаток схожести на их внешнем виде. Солидные фигуры супругов уже давно обрели свойственную их возрасту весомость, а с нею даже определённую солидность. Галина Петровна, презрев разрушительное воздействие прожитых лет, выглядела по-прежнему молодо и свежо. Её зефирно-розовая кожа лица без единой морщинки вызывала у многих дам откровенную зависть. Галине Петровне порой не просто было отбиваться от пристающих к ней с требованием раскрыть секрет её внешнего вида. Что же касается Аркадия Петровича, то прожитые годы были к нему не столь благосклонны. Его продолговатый череп был обсыпан белёсым пушком, напоминающим о былой роскоши. На лбу и щеках бесконтрольно хозяйничали морщины, а низ лица украшало жабо, образованное его двойным подбородком. Но Аркадия Петровича ничуть не волновали эти отдельные недостатки его респектабельного облика. Важно было лишь то, что супруги по-прежнему оставались в строю и твёрдо намеревались жить дальше.

Однако последнее время им всё труднее и труднее становилось предпринимать какие-либо действия без основательной предварительной подготовки. При этом надо сказать, что для Галины Петровны всякого рода планирование и связанная с этим подготовка к осуществлению планируемого всегда были особенно мучительны. Поскольку по природе своей, точнее по гороскопу, она относилась к категории «весь», то вполне естественно (?), что ей были свойственны всевозможные колебания и терзающие душу сомнения. Галина Петровна обычно предпочитала принимать те ли иные решения лишь в соответствии со сложившимся сиюминутным настроением. В отличие от своей супруги Аркадий Петрович слыл человеком системным. Он терпеть не мог любых неожиданностей, а потому старался, насколько это было возможно, к предстоящему готовиться заранее и тщательно. Даже к приятным сюрпризам Аркадий Петрович относился весьма

насторожено. И не удивительно, что любые попытки Аркадия Петровича хоть как-то наметить пути решения той или иной проблемы или проблемки, вызывали у Галины Петровны пусть мягкую, но всё же негативную реакцию. В таких ситуациях она чаще всего напоминала мужу известную народную мудрость: «Хочешь рассмешить Б-га – расскажи ему о своих планах».

Этот вечер ничем особенным не отличался от любых прочих вечеров. Каждый занимался своим делом. Раздражающе полыхали экраны ноутбуков и телевизора. Гнетущую тишину неожиданно нарушил решительный голос Галины Петровны:

– Я пришла к выводу, что в проблемах наших спина виноваты матрасы. Я каждое утро встаю с болью практически во всём теле. Да и тебе, как мне кажется, последнее время, невзирая на ежедневную утреннюю гимнастику, с трудом удаётся привести свой организм в рабочее состояние.

Аркадий Петрович не спеша оторвал взгляд от экрана компьютера и произнёс:

– Наверное ты права. Я даже не могу припомнить, сколько лет наши матрасы добросовестно несут свою службу.

– Какая уж тут добросовестность. Ведь стареют не только люди, но и вещи.

– Ты на что это намекаешь? Конечно, мы на них долгие годы оказывали и продолжаем оказывать столь существенное давление, что их долготерпению вполне закономерно должен был прийти конец. Потому-то они своими вмятинами и жалобным поскрипыванием робко намекают нам, дескать, не пора ли отправить страдальцев на покой.

– Вот я и говорю, – оживилась Галина Петровна, – пора нам приобрести новые матрасы. Возьми, пожалуйста, на себя поиск магазина, расположенного не слишком далеко от нас.

– Это я мигом. Гугл всегда к нашим услугам, – добродушно откликнулся Аркадий Петрович.

И действительно, спустя несколько минут они уже имели не только адрес магазина, но и знали наиболее удобный способ как к нему добраться при помощи общественного транспорта. Не откладывая исполнение в долгий ящик, они отправились в путь. Погода в Кёльне стояла жаркая. В этом году лето своими пылкими объятиями старалось так прогреть город и его обитателей, чтобы они и в мыслях не могли торопить приход пусть даже самой золотой осени. Улицы и парки города продолжали искриться сочной зеленью своих крон. Утренних прохожих радовали голубые глаза кустов гибискуса, над которыми нависали наливающиеся колючей зеленью гроздья каштанов. Правда сковавшая воздух высокая влажность создавала пешеходам определённые трудности. Но наши герои уверенно двигались по проложенному гуглом маршруту. Час спустя они благополучно добрались до своей конечной цели в соответствии с указанным адресом. Каково же было их удивление, точнее разочарование, когда выяснилось, что по этому адресу не оказалось разыскиваемого магазина по продаже матрасов. Их безуспешные попытки разузнать у проходящих мимо, не укрылся ли где-нибудь поблизости таинственный магазин, успеха не имели. Люди в ответ только пожимали плечами и смущённо произносили традиционное: «*Tut mir leid*», что означало «мне жаль». Галина Петровна, не стесняясь в выражениях, обвиняла Аркадия Петровича в том, что он не смог получить нужную информацию от пресловутого гугла, а, если и получил, то как всегда что-то напутал. Аркадий Петрович покорно сносил обрушившиеся на него обвинения. Единственное, что по-настоящему огорчало Аркадия Петровича, это выражение «как всегда». Настроение обоих было окончательно испорчено. Не добавила оптимизма и фраза, оброненная Галиной Петровной потускневшим голосом: «Вот и строй после этого планы».

Утро следующего дня принесло собой необходимый заряд бодрости. Пока Галина Петровна готовила традиционный завтрак, Аркадий Петрович метался по просторам интернета в поисках надёжного месторасположения нужного им

магазина. Когда Галина Петровна позвала его к столу, Аркадию Петровичу, судя по его торжественному виду, уже

мог сообщить ей нечто конкретное.

— Разумеется, это было не просто,
— скромно произнёс он,
— однако мне на сей раз всё удалось.

В Мюльхайме, прямо на Винерплац, находится большой матрасный магазин фирмы «Concord». К тому же там сейчас объявлен хороший ангебот.

На людей, живущих в Германии слова «Angebot» или

«Sale», означающие предложения по снижению цены или вовсе распродажу, действующие на потенциального покупателя волшебным образом. Они неудержимо манят к торговым прилавкам, где на огромных рекламных щитах расположены огромных размеров цены на товары, продающиеся со скидкой, где стоит перечёркнутая прежняя цена и манящая, совершенно обезоруживающая вас, новая цена. Услышав это завораживающее слово, Галина Петровна бодрым голосом воскликнула: «Чего же мы ждём? Быстро сворачиваемся и в

путь». При этом в интонации её голоса неприкрыто звучали строчки К. Чуковского: «*Вот теперь тебя люблю я, вот теперь тебя хвалю я!*».

В магазине не было ни живой души. Его огромное пространство было заставлено кроватями, на которых торжественно покоились разного вида и размера бесстыдно обнажённые тела матрасов.

Нас приветливо встретила миловидная турчанка, которой хватило буквально одной минуты, чтобы понять, что разговаривать нужно с не со мной. Галина Петровна уверенным голосом высказала свои пожелания, и продавщица, на бейджике которой было написано «консультант», стала весьма умело демонстрировать те или иные преимущества разных моделей. Выбор был не прост. Но благодаря тому, что Галина Петровна твёрдо знала, чего она хочет, ей в конце концов удалось остановиться на одном определённом образце. Его прежняя цена была 899, а теперь, даже трудно поверить, всего лишь – 539. Ну, как тут устоять. Градус настроения неуклонно повышался. Консультант ещё предложила Галине Петровне в качестве пробы полежать на отобранном матрасе и покрутиться с боку на бок. Галина Петровна, мечтательно закатив свои прекрасные глаза, тихо произнесла: «Ах, хотя бы одну ночку на нём провести». Оживившийся Аркадий Петрович тоже решил пошутить: «Дорогая, а не предложить ли магазину оформить тебя хоть на денёк ночным сторожем». Шутка не была оценена должным образом, но пробное возлежание оказалось вполне успешным. Лишь после этого обе договаривающиеся стороны перешли к оформлению покупки. Под конец консультант, соорудив на своём симпатичном лице серьёзную мину, строго предупредила: «Ни в коем случае первую ночь, а лучше две, нельзя спать на новых матрасах. Это очень важно. Они должны полностью распрямиться до своей паспортной высоты в 27 сантиметров». В довершение к сказанному продавщица заверила, что магазин гарантирует не только доставку в течение одной недели, но и вывоз наших старых матрасов, разумеется, за отдельную плату. Расплатившись, можно сказать уже налегке, они радостно возбуждённые вернулись домой. Буквально на следующий день

Аркадий Петрович получил по электронной почте на выбор три варианта сроков доставки. И уже через день два молодых афроамериканца внесли в дом, сгибаясь под тяжестью, гигантские картонные коробки с заказанными матрасами. С лёгкостью проделав в спальне необходимые монтажные процедуры, они, почему-то пятась, покинули дом, оставив наших персонажей в приподнятом, скорее даже в праздничном настроении. Так иногда случается, что обычные будничные дела окрашиваются яркими радостными красками.

Р. S. На протяжении всего дня супруги с неослабевающим интересом поочерёдно заглядывали в спальню, дабы убедиться, что матрасы ведут себя в полном соответствии с наставлениями продавщицы. Но, как говорится «короче, дело к ночи». Пора было ложиться спать. Кряхтя и вздыхая, они раскрыли диван-распашонку в гостиной, укутав его в постельное бельё. Это было лежбище, на котором проводили ночи изредка появляющиеся у них гости. Проведя бессонную ночь на этом прокрустовом ложе, Галина Петровна, ещё даже не разогнувшись, растерянно произнесла: «Бедные наши гости. Как же они мучаются. Теперь я понимаю, почему, невзирая на наше искреннее гостеприимство, они всё-таки стараются у нас не задерживаться». Аркадий Петрович, интенсивно потирая поясницу, не найдя в ответ нужные слова, грустно улыбнулся и отправился в ванную комнату.

ВТОРАЯ «БУДНЯ»

Галина Петровна уже давно хотела купить пенал для всяческой мелочи. Проблема заключалась лишь в том, что его параметры лимитировались размером предназначенного для него места. Она тщательно пересмотрела в интернете гору проспектов кёльнских мебельных магазинов и остановила свой выбор на магазине «ИКЕА». За годы жизни здесь они неоднократно пользовались услугами этой удивительной фирмы, о существовании которой узнали только по приезду в Германию. В те годы в Кёльне магазин этой фирмы находился лишь в Годорфе. Впервые побывав там, Аркадий Петрович настолько впечатлился, что захотел по-

больше узнать о нём. Оказалось, что компания «ИКЕА», основанная в 1943 году Ингваром Кампрадом, уже давно является одной из крупнейших в мире торговых сетей по продаже мебели и товаров для дома. Её название является аббревиатурой, образованной из первых букв имени и фамилии её основателя (И.К.), а также первых букв названий Ельмтарюд (Е) и Агуннарюд (А), фермы и деревни, где прошли его детские

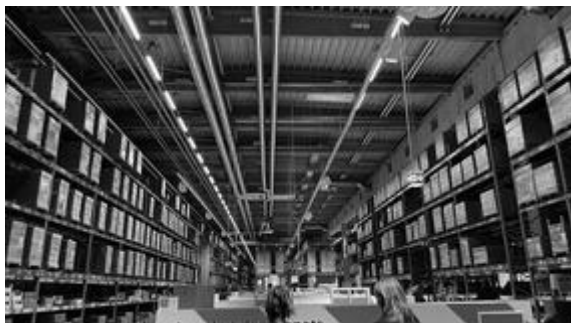

годы. В последствие всезнающая википедия в качестве бонуса сообщила Аркадию Петровичу, что каждый третий европеец из ныне живущих зачат на кроватях «ИКЕА». Особую популярность в мире эта компания приобрела с момента, когда кто-то из их сотрудников предложил упаковывать товар в плоские коробки, что сразу решало многие важные проблемы, главными из которых были складирование и транспортировка. В этих магазинах можно было найти всё, что могло понадобиться для обустройства квартиры или дома.

Несколько лет тому назад в районе Бутсвайлерхоф на территории, примыкающей к бывшему гражданскому аэропорту был открыт ещё один филиал

«ИКЕА». Туда-то они и решили направиться. Аркадий Петрович прихватил с собой сумку на колёсах, поскольку в данном случае речь шла о чём-то незначительном, чтобы можно было сразу увезти всё благоприобретенное. Честно говоря, он ввязался в эту историю только ради того, чтобы Галине

Петровне не пришлось тащить пусть и незначительные, но тяжести. Магазин представлял собой гигантский двухэтажный павильон (торговая

площадь около 80 000 м²). Это было воистину царство всякого рода домашних потребностей человека.

Во чреве этой громадины находилось необъятных размеров складское помещение, оснащённое всеми необходимыми погрузо-разгрузочными техническими средствами. Таким образом покупатель имел возможность, не заказывая доставку, а самовывозом, выбрав в торговых секциях тот или иной товар, без особого труда получить его прямо на складе и, используя складскую тележку, доставить купленное к машине.

Для того, чтобы обойти его хотя бы бегло, понадобилось бы не менее нескольких часов. Для Аркадия Петровича поход даже в небольшой магазин всегда был серьёзным испытанием. Но такое нельзя было вообразить даже в страшном сне. Уже через полчаса Галина Петровна обратила внимание на необычное поведение Аркадия Петровича. Он стал часто останавливаться, нервно покусывая губу. Обе руки его прижимались к животу в попытке как бы сдерживать мучающую его боль.

- Что случилось? Что с тобой?
- Не знаю, просто очень разболелся живот.
- Так неожиданно? Где? В каком месте?
- Вот здесь – справа, – со стоном прошептал Аркадий Петрович.
- Идём, я тебе помогу, ты присядешь.

Галина Петровна взяла его за руку и аккуратно посадила в ближайшее низкое кресло. В нём оказалось сидеть не очень удобно, но всё же это было лучше, чем стоять.

Аркадий Петрович не находил себе места. Он больше не мог сдерживать стоны, лицо приобрело сероватый оттенок, а на лбу проступила испарина. Галина Петровна бросилась на поиски кого-то из персонала, чтобы вызвать скорую помощь. Тем временем вокруг стал собираться народ. Работники магазина притащили две ширмы, перекрыв любопытствующим возможность наблюдать за этим неожиданным шоу. По громкой связи прозвучало объявление: «Если есть среди покупателей врачи, просьба срочно подойти к секции мягкой мебели». Буквально через пару минут рядом с Аркадием Петровичем опустился молодой человек, представился и стал задавать необходимые в таких случаях вопросы, потихоньку прощупывая болевые точки. К приезду скорой помощи он уже смог рассказать им на профессиональном языке то, что ему удалось выяснить. Дальше всё покатилося по накатанной схеме.

Аркадия Петровича очень бережно усадили в кресло на колёсах и, не обращая внимание на его тихое поскуливание, быстро покатали к машине скорой помощи. Галина Петровна с трудом поспевала за ними. Дорога заняла около 20 минут. Здесь, в приёмном отделении больницы «Святого Духа», Аркадия Петровича переложили на топчан-каталку, сделали обезболивающий укол и отправили на так называемый комплекс первичного обследования. Галину Петровну, невзирая на её активное сопротивление, деликатно попросили подождать в комнате ожидания. Комплекс, состоящий из полного анализа крови, кардиограммы и обследования ультразвуком, растянулся почти на два часа. Вскоре Аркадий Петрович почувствовал некоторое облегчение. Он попросил, придав своему голосу максимально жалобную интонацию, позвать супругу. Получив доступ к телу оклемавшегося мужа, Галина Петровна радостно ворвалась в процедурную, где как раз в это время сестра ставила Аркадию Петровичу капельницу. Придя окончательно в себя, он обратился к сестре с просьбой пригласить врача для вынесения окончательного приговора. К этому моменту капельница уже полностью опустошилась, больной почувствовал себя вполне здоровым, а доктора всё не

было. Аркадий Петрович, подгоняемый острым желанием поскорее попасть домой, вышел с капельницей в руках, наминающей ручную гранату, в коридор в надежде поймать кого-нибудь из медперсонала. Но все его попытки оказались тщетными. Чтобы не нарваться на очередную просьбу какого-нибудь нетерпеливого пациента, врачи и сёстры носились по коридорам приёмного отделения с такой скоростью, что остановить их не представлялось возможным. И всё-таки он дождался. Как дуновение ветерка, в манипуляционную ворвалась дежурный врач, произнеся скороговоркой: «Вы можете отправляться домой. Кровь, сердце и почки у вас в норме. Однако точную причину, приведшую к столь острому приступу, нам, к сожалению, установить так и не удалось, поэтому вы можете ехать домой, но будьте осторожны».

– Осторожнее – это можно, – пряча плутоватую улыбку, тихо прошептал Аркадий Петрович, – Никакого здоровья не хватит, чтобы выдержать такие огромные магазины.

Август, 2023год

555 день войны

Вот уже полтора года моё утро начинается с попыток получить мало-мальски правдивые сведения о положении дел на фронте. Я с ужасом пытаюсь осознать цифры потерь с обеих сторон, приводимые средствами массовой информации. Я повесил на дверь, соединяющую спальню с коридором, карту Украины, по которой могу хотя бы ориентировочно проследить за динамикой и результатами военных действий. Я с жадностью ловлю малейшие упоминания о продвижении украинской армии на тех или иных участках фронта. Я радуюсь, как ребёнок, когда узнаю, что нашим войскам удалось освободить от оккупантов «ещё немного, ещё чуть-чуть» украинской территории. И я буквально со слезами на глазах выслушиваю негативные сводки с полей сражений этой чудовищной войны.

Я отлично понимаю, что рамки этого текста не позволят мне даже в малой степени передать картину происходящего. Подробный разбор и описание театра военных действий это прерогатива историков и военных экспертов.

В этом небольшом эссе не будет ни слова о разрушительных бомбёжках Харьковщины и Сумщины, о трагедии Мариуполя, о практически стёртом с лица земли Бахмуте, о непрекращающихся боях за Запорожье и Херсон и о многом другом. И всё же, как киевлянин, я не могу пройти мимо героической обороны Киева в первые месяцы этой чудовищной агрессии. Я должен высказаться, должен дать выход огню, который вот уже полтора года сжигает меня изнутри. Утешает лишь твёрдая уверенность в том, что Россия не может победить в этом противостоянии.

Вот уже полтора года мою душу рвут на части самые

горестные мысли, а сердце моё обливается кровью. Кровью, пролитой на полях сражений этой бесчеловечной братоубийственной войны в Украине, развязанной амбициозным вурдалаком Путиным при трусливом безмолвии всего российского общества. Я не случайно применил слово общество, а не народ, потому как известно – «народ безмолвствует». Да, ещё 200 лет тому назад А. С. Пушкин обратил наше внимание на эту весьма характерную черту русского народа. На протяжении всей своей истории при всех властителях, невзирая на угнетённость и нищету, народ безмолвствовал. Отчего же сейчас нужно ждать от него чего-то иного. Сотни тысяч своих детей они безропотно бросают в топку этой ужасной полномасштабной войны, лживо называя её специальной военной операцией (СВО). У безмолвствующего народа даже малейшего протеста не вызывают противоправные и антиконституционные законы и указы изрыгаемые покорной пастью российского парламента. С самых высоких трибун льются нескончаемые потоки бессовестной лжи, пропитанные ядом необъяснимой ненависти к ещё совсем недавно дорогому братскому украинскому народу. Что такого преступного сделала Украина России, чтобы понадобилось развязать эту кровопролитную бойню? По каким международным нормам, соглашениям или конвенциям можно было безнаказанно при абсолютном невмешательстве мирового сообщества оттяпать у суверенного государства изрядную часть территории? А может быть всё значительно проще? Может быть в данном случае решающую роль сыграл личностный фактор? Может быть ещё тогда, когда Путин работал директором Дома Культуры в ГДР, какая-то украинская дивчина из, скажем, официанток, не задумываясь о возможных последствиях, отказала ему. И этого оказалось достаточно, чтобы сей ничтожный человечиска затаил навсегда острое чувство ненависти ко всему украинскому народу. Он только ждал подходящего момента, чтобы отыграться. Точнее он не просто ждал, а тщательно его готовил. И этот момент настал.

21 марта 2014 года произошла фактическая аннексия

Крыма. Украина тогда не смогла эффективно противостоять этому криминальному захвату, опасаясь открытого военного конфликта, неизбежно приведшего бы к неисчислимым жертвам среди мирного населения. Момент, нужно признать, был выбран агрессором самый подходящий. Во-первых, в тот период Украина не имела необходимого военно-технического ресурса для оказания сопротивления, а во-вторых, именно тогда в руководстве Украины наметился серьёзный разлад. Могла ли эта аннексия быть столь успешной в иных исторических условиях? На этот вопрос невозможно найти хотя бы мало-мальски логически обоснованный ответ. Зато его без труда можно отыскать в извращённой школой КГБ личности президента России.

Придя к власти по схеме из грязи в князи, серенький подполковник ФСБ, не обладающий не только мало-мальским опытом, но и необходимыми для такой должности человеческими качествами, при активной поддержке могущественной организации, с годами решил, что наилучшим способом собственного возвеличивания является имперский путь. Ничтоже сумняшеся, Путин возомнил себя прямым наследником Петра Великого. Шаря хищным взглядом по карте бывшего СССР, он не без помощи окружающих его клеветников принял решение – настало время проявить имперские амбиции. Нужно не спеша начать расширять границы РСФСР. Ещё даже не попробовав управлять доставшейся ему громадиной, он решает увеличивать её территорию. Его кровожадный взор останавливается на Украине, независимость которой давно его раздражала. Чего только стоил её отказ войти в состав СНГ (Содружества Независимых Государств). 8 декабря 1991 года был подписано так называемое «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств», ознаменовавшее по сути развал СССР. Украина, будучи одним из учредителей образовавшегося конгломерата, так и не ратифицировала этот документ. Чекистские мозги не смогли ей и этого простить. Укрепившись на троне, Путин стал так или иначе прощупывать Украину на прочность. В 2003 году развернулся конфликт вокруг острова Тузла в Керченском проливе,

завершившийся подписанием «Договора о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива». На самом деле этот договор не снизил напряжение между конфликтующими сторонами. А начиная уже с 2008 года в Донецке и Луганске стали появляться российские эмиссары, в задачу которых входило распространение среди жителей этих городов антиукраинских настроений. Напряжённость в русско-украинских отношениях нарастала. В 2010 году Президентом Украины не без помощи российских спецслужб становится пророссийски настроенный Янукович, доведший уровень коррупции в Украине до космических высот. И всё же в феврале 2014 года после обострения гражданского противостояния Верховной Раде Украины удалось снять Януковича с президентского поста. Воспользовавшись кратковременной слабостью новой власти, Путин вероломно осуществляет силовой захват Крымского полуострова. А месяц спустя командированные Россией так называемые «зелёные человечки» начинают реальные военные действия в Донецкой и Луганской областях. В конце августа 2014 года российские вооружённые силы вторглись на территорию Донецкой области у Иловайска, в результате чего части украинской армии попали в окружение, что привело к катастрофическим последствиям, названным в последствие «Иловайским котлом». Такова предыстория. Восемь лет Путин, как хищный зверь, ожидал подходящего момента для очередного броска.

И 24 февраля 2022 года он наконец решился. Этот ново-явленный Гитлер начал против Украины, против братской Украины так называемую специальную военную операцию (СВО). Накануне, чтобы не нести персональную ответственность перед историей, перед мировым сообществом, наконец перед пусть даже безмолвствующим народом России, Путин собрал в Кремле буквально всю руководящую верхушку страны, где сформулировал цели этой самой СВО. Заплетающимся языком, заикаясь и побряхывая, он сообщил сидящим в зале, что священный долг России состоит в демилитаризации и денацификации Украины. Для тех, кто не понял (как ни странно были и такие; к примеру

Нарышкин – директор Службы внешней разведки), он, воинственно поигрывая желваками, постарался, как мог доходчиво объяснить. Дескать власть в Украине захватили злые нацисты, бандеровские прихвостни, которые спят и видят, как бы поскорее уничтожить всех русских на своей территории, а чтобы мы россияне не смогли за них заступиться, Украина планирует разместить на на границе с Россией военные базы НАТО. Чтобы этого не произошло, мы вынужденны, дважды подчеркнул он, немедленно ввести туда свой весьма ограниченный контингент наших славных вооружённых сил. Путин клятвенно заверил притихший зал, что операция продлится три дня, ну, на худой конец – неделею. Как показали дальнейшие события «худой конец» ему действительно будет обеспечен, правда несколько позднее. Приглашённые на это «совершенно секретное» совещание ответили своему лидеру дружным «одобрямсом». Теперь, замазав по самое не балуй так называемых своих коллег кровавым согласием, Путин с ханжеским вздохом, припомнив своё удачно обронённое слово вынужденны, дал команду о начале СВО.

На самом деле Россия в нарушение всех существующих международных прав и подписанных обеими сторонами договоров развязала полномасштабную войну. На рассвете 24 февраля 2022 года жители Киева и его окрестностей проснулись от артиллерийских раскатов, авиаударов и ракетных атак. Так началась беспрецедентная преступная война России против суверенного и независимого государства. Надеясь на блицкриг, вся мощь российской военной машины обрушилась на ближние подступы к Киеву. Весь этот кошмар – разрушение жилых домов, пожары, расстрелы гражданского населения, изнасилование женщин и мародёрство приняли в первый месяц войны на себя Буча (население – 37 000 человек), Ирпень (население – 70 000 человек), Гостомель (население – 17 000 человек) и Бородянка (население – 12 500 человек). Эти города были выбраны Россией как идеальный плацдарм для планируемого окружения Киева. Буквально за две недели процветающие города Киевской области были превращены российской армией

в обagrённые кровью тлеющие развалины с лежащими на улицах, площадях и скверах трупами местных жителей. Теперь Буча стала, как в прошлом Герника, символом этой кровавой войны.

Путин считал, что пришёл его звёздный час. Именно здесь в Киеве наконец то взойдёт его «солнце Аустерлица». Он надеялся захватить Киев в считанные дни, где его будут встречать с цве-

тами благодарные украинцы. Он планировал, не откладывая в долгий ящик, тотчас же провести на Крещатике парад победы (высшие офицеры привезли с собой парадные мундиры). Но, как говорится в известной украинской поговорке, «не так сталося, як гадалося». Разъярённые защитники Киева вынудили захватчиков отступить и убраться восвояси, а по Крещатику под аплодисменты киевлян проковыляли подбитые вражеские танки. Благодаря беспрецедентному героизму ВСУ в начале апреля Киевская область была освобождена от российских захватчиков, совершивших на этих территориях свои страшные преступления. Только в Буче на улицах, тротуарах и в братских могилах были обнаружены 410 тел. В том числе 52 загубленного ребёнка. Собраны также многочисленные доказательства сексуального насилия над женщинами и детьми. Таким неопровержимым свидетельствам несть числа. Вот одно из них. Говорит коронер из Бучи Сергей Каплишный:

«За один день я подобрал около 30 тел, 13 из них – это мужчины со связанными руками, которых убили выстрелом в голову с близкого расстояния».

Я твёрдо верю – придёт пора возмездия. Причём надежда не только на божий суд. У международного уголовного суда

в Гааге будет достаточно неопровержимых материалов для совершения справедливого судопроизводства. Однако ответственность за все скрупулёзно зарегистрированные немислимые преступления лежит не только на Путине и его генералах, но и на каждом солдате, участвовавшем в этих злодеяниях. В 2022 году Нобелевская премия мира была присуждена сразу трём номинантам. В том числе украинской правозащитной организации «Центр гражданских свобод», которой она была вручена за выдающиеся усилия по документированию военных преступлений, нарушения права человека и злоупотребления властью. Сегодня этой организацией собрано десятки тысяч официально задокументированных фактов военных преступлений, совершённых российской военщиной. Нет сомнения в том, что российскому агрессору не удастся сломить волю украинского народа, защищающего свою землю. Никакими демагогическими лозунгами о демилитаризации и денацификации Украины не прикрыть попытку осуществления прямого геноцида украинского народа. И тогда захватчику придётся ответить за всё. Но война пока продолжается и продолжает литься кровь.

PS.1 22 августа этого года в Кёльне отмечали «День Украины». Это событие, проводимое во время безуспешной попытки России уничтожить украинский народ и его государственность, собрало на набережной возле Музея шоколада свыше 10 тысяч человек. Кроме жителей Кёльна на этот фестиваль приехали гости из Берлина, Гамбурга, Киева, Днепра и Харькова.

Участники этого масштабного события активно выражали свой протест против российской агрессии. Среди собравшихся

были представители от многих городов Германии. Развевались украинские флаги, громогласно звучали призывы к властям России о выводе оккупационных войск с территории независимой Украины. Со сцены лились прекрасные украинские мелодии.

Особое внимание обращали на себя люди, одетые в украинские рубахи-вышиванки, с антивоенными транспарантами в руках. В праздновании «Дня

Украины» приняла участие мэр Кельна Генриетта Рекер. В своём выступлении она сказала: «Кельн стоит с Украиной. Тем, кто одобряет российскую агрессию, войну и преступления, здесь не рады».

PS.2 Завершить хотелось бы тремя цифрами, которые, не претендуя на абсолютную точность, говорят на мой взгляд о многом.

По мнению многих авторитетных экспертов за 555 дней этой кровавой бойни число потерь среди армейского личного состава с обеих сторон составляет около 500 000 (!!!). Но кровожадного диктатора это не смущает. Ему всё мало. Это дьявольское существо в своих амбициозных фантазиях уже давно воздвиг себе памятник, стоящий на фундаменте из жертв им же развязанной войны. А значит, чем этих жертв будет больше, тем выше над всеми вознесётся он.

Генеральная прокуратура Украины сообщила, что с начала полномасштабного российского вторжения в Украине были убиты 11 тысяч мирных (!!!) жителей и свыше 15,5 тысяч (!!!) ранены, не считая погибших и пострадавших на временно оккупированных территориях.

По данным Офиса Президента Украины Россией временно оккупировано 18% от общей территории Украины.

Глядя на эти цифры понимаешь, что альтернативы

победе над агрессором нет. А символом победы станет не только освобождение всех оккупированных украинских земель, но и справедливый суд над главным военным преступником и его поделщиками.

Август, 2023 год

*На дивных пляжах
Адриатики*

Скажу вам с подкупающей искренностью, что желание моей жены для меня закон. Однако всем известно, что всякий закон обычно обвешан множеством регулирующих его подзаконных актов. Хотя в данном случае речь идёт всего лишь об одной поправке. Желание жены действительно для меня закон, если оно не противоречит моим представлениям о желаемом или это желание почему-либо вступает в конфликт с моими желаниями. В таких случаях я пускаю в ход своё красноречие и логику, сдобренные тщательно обдуманной аргументацией. И тут, мне кажется, уместно вспомнить известный украинский анекдот. Расскажу его по русски, хотя при этом он безусловно теряет большую часть своей сочности, столь присущей украинской соловьиной мове.

Киев. Двое стоят и разговаривают. К ним подходит молодой человек и спрашивает:

*«Подскажите, пожалуйста, как пройти на Кре-
щатик». В ответ молчание. Он повторяет свой
вопрос по английски. Опять безрезультатно. Тогда
он задаёт тот же вопрос уже по французски. Но те
только переглядываются. Теряя надежду, он всё-та-
ки спрашивает их о том же по немецки. Не добив-
шись результата и на сей раз, молодой человек,
пожав в недоумении плечами, уходит.*

*— Посмотри, Микола, какой образованный человек!
Столько языков знает!*

— Ну и что это ему дало?

Это я к чему? А это я к тому, что в большинстве случаев мне не помогают ни хвалёное красноречие, ни железная логика, ни неоспоримая аргументация. Я сдаюсь под лёгким натиском просительно-мечтательно произнесенных женою слов: «Так хочется на море!». Эта фраза как раз и даёт старт волнующему процессу, превращающему мечту в реальность. Перво-наперво нужно было определить берег, который с наибольшей благоприятностью отнёсся бы к потрёпанным жизнью организмам. Нашим скромным запросам должны были соответствовать всего лишь два фактора: климат и структура пляжа. В понятие подходящий климат

входит: вода не ниже 22° и воздух не выше 30°. Что же касается пляжа, то берег должен быть устлан некрупной галькой, чтобы вода в море была идеально прозрачна. Открою секрет — моя супруга во всём (кроме одежды) предпочитает ничем не завуалированную прозрачность. К отелю тоже накопилось несколько обязательных пожеланий. Количество звёзд не менее четырёх, первая линия, балкон с видом на море и свои оборудованные места на пляже. Чтобы отыскать нечто выдающееся среди ослепительно манких рекламных предложений, мы бросились в объятия интернета. Полёты на такие относительно далёкие острова как Канары или Майорка отпали сразу из-за риска связанного с нашим возрастом. Турцию мы вообще не рассматриваем с тех пор, как несколько лет назад попали под массовую кишечную-желудочную интоксикацию в пятизвёздочном отеле, что отравило нам отдых в прямом и переносном смысле.

Благодаря информационным возможностям интернета и детальному опросу людей бывалых из нашего ближнего круга, нам удалось существенно сократить зону поиска. В результате мы остановились на дивных, как утверждали курортные эксперты, пляжах Адриатического побережья Хорватии, где бархатный сезон сентября полностью отвечал бы нашим пожеланиям. К тому же в тех краях мы ещё ни разу не были. Теперь только оставалось, хотя бы приблизительно, определить место, где может быть уготовано ожидаемое райское наслаждение, «забухать» (с ударением на втором слого), как говорит русскоязычный люд в Германии, хороший отель (хоть считается, что с милым рай и в шалаше) и обеспечить доставку к выбранному месту. Все эти процедуры можно было бы без особых проблем осуществить онлайн, но, к сожалению, мы понимали, что без постороннего содействия нам с этим не справиться. Впрочем, слово «постороннего» в данном случае неуместно, потому как мы обратились за помощью, что к слову сказать, делаем нередко, к очень близким нам людям — моему племяннику Диме и его Жене Тане. Они, как обычно, с лёгкостью справились с нашей просьбой, оплатив к тому же всё это со своей кредитной карты, поскольку нашей карточкой этого

сделать нельзя. Дело в том, что мы, получатели так называемого социального базового обеспечения, не имеем право иметь кредитные карты и пользуемся лишь girocard, с помощью которой платежи в интернете очень ограничены. В тот же день мы получили по электронной почте целую цепочку уведомлений. И прежде всего о том, что нам забронирована комната в DALMACIJA PLACESHOTEL by Valamar курортного городка Макарска, расположенного на Адриатическом побережье Хорватии.

Вдогонку пришло сообщение, делающее нас счастливыми обладателями авиабилетов компании Eurowings, осуществляющей перелёт из Кёльна в Сплит. Принимая во внимание, что наш рейс прибывает в позднее время, когда маршрутные автобусы, утомившись после длинного трудового дня, уже не ходят, нам любезно предложи-

ли воспользоваться такси (до Макарска 52 км), на что мы безропотно тут же согласились. Когда всё было оформлено, а предъявленные счета полностью оплачены, мы получили соответствующие подтверждения. С этого момента мы стали получать едва ли не ежедневно вплоть до момента отлёта восторженные письма от администрации отеля, в которых они не могли скрыть своей радости, что мы согласились провести две незабываемые по их мнению недели в их отеле, отсчитывая при этом чуть ли не часы до нашего прибытия. Эти письма настолько раскошегарили мою фантазию, что я буквально воочию увидел поразительную сцену нашего появления. Мы подъезжаем на заказанном нами такси, превратившемся за время пути в роскошную карету, навстречу бросается швейцар в обшитой золотыми галунами ливрее, бережно помогая нам ступить на заботливо

расстеленную красную ковровую дорожку, по обе стороны которой выстроился весь персонал гостиницы. Они держат в руках по пышной красной розе, старательно распевая нестройными голосами величальную:

Мы вас рады видеть,
Дорогие гости,
Наше вам спасибо
Мы принять вас просим.
Наше поголовье
Здесь вас величает,
Доброго здоровья
От души желает!
Кланяемся низко,
Чарочку подносим,
Хлеб и соль отведать
От души вас просим!

Мы важно шествуем сквозь строй этих величальных шпицрутенгов и я, насытившись опереточной уважухой, прихожу в себя.

До запланированного нами отдыха оставалось чуть больше месяца. Даже для меня — человека системного этого времени было вполне достаточно, чтобы всё тщательно подготовить, ничего при этом не забыв. Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление. Очень забавно слышать, когда, встречаясь по осени, глубоко пожилые люди обязательно задают друг другу традиционный вопрос: «Где вы провели свой отпуск этим летом?». Можно подумать, что остальное время года они, не щадя последних (удачное слово в этом контексте) сил, трудились в поле или на заводе, или, на крайний случай, в тесном офисе без кондиционера. И тут, уф, наконец дождались отпуска. Однако вернёмся снова к нашему стройному повествованию. Из экономических соображений мы при заказе билетов заявили лишь один чемодан (23 кг) и одну ручную кладь (8 кг). Поэтому нужно было продумать и обсудить, что необходимо взять с собой. Учитывая, что в Хорватии по нашим представлениям ещё будет лето, мы были уверены, что сможем уложиться в эти нормы. Несколько смущала так называемая

домашняя аптечка, которая за последние годы разбухла до такой степени, что впору было называть её домашняя аптечицей и заказывать для неё отдельное место. Однако как всегда нашлись компромиссные решения и в конце концов всё утряслось к обоюдному согласию. Кабы знать, что именно в тот момент, когда мы строили эти свои планы, некто свыше коварно ухмылялся в свою седую бороду.

День отлёта приближался неотвратимо. Вы спросите: «Почему так мрачно?». Тогда я вам расскажу без утайки обо всём по порядку. При этом, я надеюсь вы понимаете, что даже, если вы и не спросите об этом, я всё равно расскажу. Канун отъезда пришёлся на воскресенье. Как правило это самый спокойный день недели. Никаких особых дел и уж точно никаких терминов. В воскресные дни, как у православных на Благовещение работать не рекомендуется. «Птица гнезда не вьёт, девка косы не плетёт». Поэтому единственное, что мы себе позволили это не спеша заполнить свои полтора чемодана заранее подготовленными в дорогу вещами. Таким образом завтра в нашем распоряжении до прихода машины в аэропорт оставалось ещё полдня, что позволяло ещё раз (а то и не раз) проверить, не забыли ли чего и, как водится, посидеть перед дорогой. Да, чуть не забыл, Нужно ещё время, чтобы погасить обязательную в таких ситуациях предотъездную лихорадку, мило называемую немцами «Reisefieber».

Утром я проснулся от неприятного ощущения в левом глазу. Пока, как обычно, я приводил себя после ночи в порядок, это тревожное чувство переросло во вполне отчётливую боль. Голова раскалывалась на мелкие осколки, каждый из которых пылал огнём. Не хотелось верить. Но мой богатый прошлый опыт неотвратимо подсказывал — это снова оно. Очередная атака глаукомы. В апреле-мае этого года я уже перенёс по этому поводу четыре операции, о чём я уже подробно поведал в тексте «Ни в одном глазу» (смотри оглавление). И всё-таки, не теряя надежду, ведь она, как известно, умирает последней, я поплёлся к главному врачу, кабинет которого находился недалеко от нашего дома. «Но нету чудес, и мечтать о них нечего» написал ещё сто

лет тому назад В. В. Маяковский. И действительно, величину моего внутриглазного давления можно было бы разделить на трёх человек. Сочувственно покачав головой, врач в срочном порядке отправил меня в больницу. Так за три часа до отъезда в аэропорт я оказался в палате №14 хорошо освоенной мною глазной клиники, где меня встретили с распростёртыми объятиями, как старого доброго знакомого, правда, при этом почему-то тоже сочувственно покачивая головой.

Дальше всё покатило уже в полуавтоматическом режиме по давным-давно разработанной ими схеме. Обследования на загадочной оптической аппаратуре, анализы, капельницы, таблетки, капли и, наконец, очередная операция. Снова общий наркоз, снова раскурочили мой многострадальный глаз, вновь где-то разрезали, что-то подправили и как-то зашили. А проделав всё это (за что им моё искреннее спасибо), дав слегка отлежаться после наркоза, вернули в палату.

На следующий день при традиционном утреннем осмотре оперирующей меня хирург, нежно улыбнувшись, весело произнёс: «Всё хорошо!». Он явно был собой доволен. И поверьте, я тоже

был бы рад присоединиться к его сдержанному ликованию, но негативный опыт предыдущих операций коварно нащёптывал: «Не спеши, рано радоваться, ещё не вечер». И действительно, я давно обратил внимание на то, что почему-то чаще всего торжествует пессимизм. Боль и жжение в прооперированном глазу не утихали. Осталась нетронутой больничная еда, на смену которой пришли гигантские дозы ибупрофена. Но всё было тщетно. А когда наступил

тот самый «ещё не вечер», ко мне пришёл мой ласковый хирург и бодрым голосом сообщил, что завтра, чтобы окончательно победить мои негативные ощущения, придётся ещё кое-что дополнительно прооперировать, точнее зашить. Возможно вы ещё не забыли, что буквально несколькими строчками выше я написал — как-то зашили. Видно всё-таки пришло время дошить недошитое. Уже стоя в дверях, «мой ласковый и нежный» врач обернулся и произнёс: «Операция несложная, поэтому обойдёмся только местным наркозом». Невзирая на упрощённую анестезию, меня тем ни менее лишили завтрака. Кабы чего не вышло. К тому же какая ни есть всё-таки экономия. Обед сосед по палате тоже поглощал в гордом одиночестве. Лишь около двух часов, как говорить, за мной пришли.

Между операциями, проводимыми под общим и местным наркозами, помимо сути самой процедуры, есть два существенных различия. Во-первых, в первом случае трансфер к операционному блоку и обратно происходит вместе с кроватью, что для постороннего глаза выглядит как-то уж очень прощально-торжественно, а во-вторых, во время операции пациент безмятежно спит, позволяя кому-угодно делать с собой всё, что угодно. Тогда как при местном наркозе доставка больного осуществляется при помощи инвалидного кресла, что существенно снижает пафос трансфера. Сама же операция, во время которой пациент имеет возможность свободно общаться с хирургом, проходит совершенно безболезненно (так было и со мной), благодаря каким-то чудодейственным специальным каплям. Итак, операция позади и вскоре я вернулся в палату, где меня ждала стандартная вечерняя трапеза, состоящая из чая и двух бутербродов, жадно проглоченных мною за один присест. Однако как бы там ни было, но с чувством голода справиться удалось, а вот неугомонный глаз мне по-прежнему не давал покоя. Ночь была с большими провалами, несмотря на снотворное и болеутоляющее. И всё же в те короткие мгновения, когда мне удавалось забыться, я видел навязчивый сон — склонившийся надо мной Валерий Ободзинский, вдумчиво пел «Эти глаза напротив». А поутру врач, внимательно

выслушав мои жалобы, бодрым голосом сообщил мне, что с проблемой они успешно справились, и выписал домой, строго добавив, что ещё пару дней придётся потерпеть. Вот я и терплю. Утешает лишь мысль о том, что всё это произошло за несколько часов до полёта. А если бы уже в самолёте, во время полёта, или на худой конец (очень худой) прямо на пляже в Хорватии?... От подобного предположения холодела кровь. Тогда-то и припомнилось мне вскользь проскочившая мыслишка о том, что некто свыше, узнав о наших планах, коварно ухмылялся в свою седую бороду. Оказалось, что улыбка-то была доброй. Он ведь заранее знал, что не допустит самого худшего.

Сентябрь, 2023 год

Оглавление

Предисловие	2
Только раз в году	5
Дидо Ди Езоло.....	18
Случай в Эдинбурге	32
Тары-бары о сборе тары	39
«Золушка»	47
Автобус №154	55
Без меня	59
Ни в одном глазу	69
Кёнигсвинтер	82
Будни	94
555 лень войны	105
На дивных пляжах Адриатики	115

Валерий Золотаревский

Быт или не быт

Безответственный редактор – В. Золотаревский
Компьютерная вёрстка – Г. Пакман
Ответственный корректор – Т. Золотаревская
В оформлении задника обложки использована работа
Ирины Радченко «По дороге домой»
Подписано в печать – немедленно
Печать цифровая
Тираж – ограниченный
Отпечатано в Кёльне

Кёльн 2023

Кёльн. Середина октября. Тёплый осенний вечер, привычный для этих мест и этого времени года. Лёгкий морозящий дождь придавал всему дополнительную свежесть и яркость. Обычно в такую погоду я без необходимости стараюсь не расставаться со своим любимым креслом. Но на сей раз я решил выйти из дома. Просто захотелось прогуляться, отдавшись состоянию томительной грусти, посещающей меня всё чаще и чаще. Я шёл, не спеша, по

знакомой улице, прислушиваясь к кантилене дождя, в мелодию которой вкрадчиво вползали шелест мокрых шин, проносящихся автомобилей и монотонная дробь барабаниющих по подоконникам дождевых капель. Нарушали гармонию лишь звуки падающих каштанов, подобных упитанным жукам, сверкающих глянцем лакированных спинок. Мокрый асфальт радостно отражал розовое свечение магазинных витрин. Картину дополняли силуэты впереди идущих женщин с прозрачными зонтиками, напоминающими старинные абажуры. Я шёл, любуясь размытыми красками кёльнской осени, позабыв о горестях и бедах, о болезнях и надвигающемся неизбежном. Мне представлялось, что передо мной ожили полотна великих импрессионистов. Хотелось жить дальше и дольше, наслаждаясь всем, что даровано нам природой.